

Annotation

Бросил жених? Не отчаивайся!

Занесло

в другой

мир? Обживайся!

И не важно, что к новому телу прилагается муж-дракон и куча детей. А еще древний замок, проклятье, довлеющее над родом, и множество испытаний.

Главное, взять судьбу в свои руки. Стать единственной и незаменимой. И тогда, непременно, сердце нелюдимого дракона оттаает, а ты найдешь свое женское счастье!

Однотомник

Мир Драконьей империи. Все книги читаются независимо друг от друга.

Алина Углицкая

Пролог

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Алина Углицкая

Хозяин Драконьей гряды

Пролог

Если твоя жизнь катится ко всем чертям, единственное, что ты можешь сделать, это занять место в первых рядах и насладиться финалом.

Именно этим я собиралась заняться в тот памятный день.

Злость, обида, непонимание захлестывали меня изнутри. Я бежала по улицам города, глотая соленые слезы. В голове стучала единственная

мысль, выгрызая мне мозг: как он мог?!

Сволочь!

Пронзительный визг тормозов и яростный звук клаксона обрушились так внезапно, что я на мгновение растерялась и

потерялась в пространстве. Кто-то схватил меня за локоть, грубо дернув назад.

— Дура! — заорал в ухо незнакомый мужской голос. — Жить надоело?!

Дыхание сбилось. Я едва удержала равновесие и подняла ошалевший

взгляд.

Перекресток. Четырехполосное движение. Бесконечный поток машин. А я лезу, ничего не видя из-за обиды и слез.

Точно жить надоело...

— Девушка, с вами все в порядке? — тот же голос, только теперь смущенный, участливый.

Я повернулась к его обладателю. Лет двадцать пять, симпатичный, подтянутый.

Заглянул мне в лицо, улыбнулся.

— Такая хорошенькая и в слезах. Кто вас обидел?

От улыбки на щеках парня появились милые ямочки.
У

Артема такие же...

В сердце вспыхнула жгучая боль.
Зачем только вспомнила!

Взгляд машинально упал вниз, на руку парня, сжимавшую мой локоть. Отметил полосу, предательски белеющую на безымянном пальце. И боль перешла в глухую ненависть.

Мужчины! Все одинаковы! И этот туда же! Кольцо обручальное снял,

небось, чтобы знакомиться не мешало. А дома жена ждет...

Беременная...

Горло сжалось от подступивших рыданий.
Ненавижу! Ненавижу их всех!

Дернулась, вырывая руку из пальцев незнакомца.

— Со мной все отлично, — буркнула грубо и пошла, не оглядываясь, вдоль тротуара.

Шла, натываясь на толпу, почти не видя, не понимая, куда иду и зачем...

Начался дождь. Холодные струи били меня по лицу, по спине, но я их не замечала. Все, чего мне хотелось — это убежать, спрятаться, стать как можно дальше от дома, который мог стать нашим семейным гнездом. А стал моей кровоточащей раной.

Вчера я хотела сделать любимому сюрприз. Наивная дура! Приготовила романтический ужин, свечи. Ему поставила бокал вина, себе налила газированной воды, надеясь, что он заметит намек. А чтобы уж точно заметил, положила рядом с его бокалом тест, перевязанный ленточкой. Две полоски на белом фоне. Любовь и вера.

А он не пришел.

Ни вечером, ни ночью, ни утром.

И не отвечал на звонки.

Он и раньше задерживался, говорил, что работа... Я верила. Наверное, потому что хотела верить ему. Но когда рассвело, не выдержала. Беспокойство заставило набрать номер его матери.

Ольга Леонидовна всегда смотрела на меня свысока. Я знала, что не нравлюсь этой чопорной даме с вечно поджатыми губами и застывшим на лице брезгливо-недовольным выражением. Порой она вообще не реагировала на звонки с моего номера. Но в этот раз вопреки

обычаю взяла трубку после второго сигнала.

Приторный голос потек мне в уши медовым сиропом:

— Нет, Темочки у меня нет. Он в Прилесном. Как с кем, с Викторией. Отмечают помолвку. А ты что, не знала? Вика беременна, уже третий месяц.

Сотовый выпал из моих рук. Ослепшая и оглохшая, я опустилась на

пол.

Беременна? Вика?

Как же так?

Они работают вместе, в одном офисе, и встречались еще до меня, целых полтора года, но что-то у них не заладилось. Они расстались, решив остаться коллегами и друзьями.

Всякое в жизни бывает, люди встречаются и расходятся. Я не ханжа. Я знала о Вике, мы даже виделись пару раз в общей компании, и она была с другим мужчиной! Они с Артемом почти не общались или...

Или я просто ослепла от любви? И не хотела замечать очевидные вещи...

Три месяца...

Факты сопоставились сами собой.

Три месяца назад Артем ездил в командировку по делам фирмы. И да, он говорил, что едет с сотрудником. Вот, значит, кем был этот сотрудник...

Виктория. Победа.

Что ж, она победила.

Я не стану мешать их счастью. Не стану унижаться, закатывать сцены

сопернице, вымаливать крохи любви.

Пусть катятся ко всем чертям.

А я...

Я почти не помнила, как поднялась, как шла к выходу на непослушных ногах, цепляясь за стены. Как дрожащими руками пыталась вставить ключ в замочную скважину. Глаза застилали слезы. В горле горело от тошноты. Едкий привкус желудочных соков разливался во рту.

Дальше все как в тумане. Я просто бежала куда-то, пока чуть не попала

под машину.

А теперь стою под дождем в малознакомой части города, не понимая, как меня сюда занесло.

Наверное, я должна испытывать благодарность за свое спасение?

Но его нет, одна пустота. Вообще никаких эмоций. Словно в моей душе

образовалась сквозная дыра. Огромная, размером с Вселенную.

Я обвела улицу равнодушным взглядом.

Домашнее платье намокло — я не переоделась, когда уходила. С волос, прямо за шиворот, стекала вода. Но это меня совершенно не трогало. Мне казалось, что я уже умерла и лишь по какой-то нелепой

случайности мое сердце по-прежнему бьется, и я все еще стою на ногах.

Коробки домов теснились друг к другу. Серые, неприятные. Их угрюмость разбавляла череда фонарей, да яркие всполохи витрин, занимавших первые этажи.

Спа-салон, нейл арт, какой-то бутик с анорексичными манекенами в ультра-узких брючках... Напротив зооаптека, нотариус...

Гинеколог...

Из-за плотно опущенных жалюзи виднеются тени.

Подчиняясь порыву, делаю шаг вперед. Взбираюсь по ступенькам,
толкая
дверь.

Закрыто.

Жму на звонок.

Ноги не держат. Прижимаюсь спиной к двери, медленно сползаю
на холодную плитку. Меня опять трясет от рыданий.

За спиной открывается дверь.

— Вы по записи?

Оборачиваюсь. Поднимаюсь, неловко держась за кованые перила.
Даме в дверном проеме за сорок. Зеленый медицинский халат,

волосы тщательно убраны под полиэтиленовую шапочку, на ногах
бахилы. За толстыми стеклами очков внимательный взгляд.

— Нет, — хриплю, — но мне очень надо.

— Мы принимаем только по записи.

— Пожалуйста!

Качает головой:

— Если у вас проблемы, я могу вызвать «скорую».

— Со мной все отлично, — изображаю улыбку, понимая, что губы
не
слушаются. — Я хочу прервать беременность.

Теперь она смотрит на меня с жалостью.

— Извините, мы операции не проводим, вам нужно в клинику.

— Операция не нужна, — трясую головой. Брызги с волос летят в
разные стороны. Дама немного кривится. — Срок две недели. Я
слышала... слышала, есть такие таблетки...

Жалость в ее глазах сменяется недовольством. Но мне плевать.
Мне не нужен этот ребенок. Я почти ненавижу его. Меня тошнит от
одной мысли, что буду сидеть в женской консультации бок о бок с

Викторией, видеть ее счастливое лицо, сияющий взгляд. Растущий
живот...

И что мне делать одной, с ребенком на руках, в чужом городе? Вернуться к родителям? Видеть их молчаливое осуждение, слышать за спиной шепотки соседских кумушек? «Видели, а у Князевых-то дочка байстрюка нагуляла! А была ведь умница, отличница, в Москву поехала поступать»...

Я не заслужила все это!

– Девушка, все таблетки – в аптеке. У нас вы можете записаться на осмотр, сделать УЗИ и сдать анализы. Извините.

Она пытается закрыть дверь, но я успеваю вставить ногу.

– Пожалуйста! – почти умоляю. – Скажите название!

Она

окидывает меня строгим взглядом.

– Девушка, идите домой! Успокойтесь, подумайте. Принять таблетки всегда успеете.

– Вы не понимаете!

Мне всего двадцать три, у меня еще будут дети. А этот ребенок...

– Нет, это вы не понимаете. Уберите ногу, сумасшедшая.

Она толкает меня, вынуждая отступить. Дверь захлопывается перед

моим носом.

Я инстинктивно отступаю. Нога поскользывается на мокрой ступеньке...

Взмах руками.

Меня по инерции заносит назад.

Хватаю ртом воздух. В голове появляется глупая мысль: упаду, и ребенка не будет. Это судьба.

И уже безропотно падаю вниз.

Удар.

Адская боль пронзает спину. Я чувствую, как трещит затылок, врезаясь

в асфальт.

Темнота.

...Яркий свет. Влажный жар. Мельтешащие тени.

Удушливый запах ладана и сандала.

Слух улавливает треск поленьев в огне...

Но я не успеваю понять, что случилось. Что-то разрывает меня изнутри. Мышцы сжимаются в болезненном спазме. Тело мучительно выгибается. Я мычу от боли, не понимая, где я и что происходит.

– Тужься! – кто-то орет мне в ухо. Чужие пальцы впиваются в плечи, прижимают к чему-то мягкому за спиной. – Еще! Вот так. Теперь дыши. Ртом дыши!

– Эрла Саваж, я вижу головку.

– Молодец, девочка. Еще разок. Тужься, на счет три! Раз, два...

Я

задыхаюсь.

Боль раздирает меня.

Господи, это ад? Я все-таки умерла...

Еще один спазм разрывает мне внутренности. А затем – облегчение. Нет, пустота...

Закрываю глаза. И последнее, что я слышу перед тем, как упасть в темноту, это жалобный писк младенца и полный радости женский смех:

– Мальчик! О, Пресветлая, это мальчик! Энни, беги к лаэрду. Скажи, у него родился сын. Хвала богам, у Драконьей гряды есть наследник!

* * *

Где-то в драконьем замке

– Мой господин, ваша супруга спит, роды ее совсем вымотали. Был момент, когда мне показалось, что мы потеряем ее... как и других...

Сумрачный взгляд из-под густых бровей впивается в повитуху.

Заставляет похолодеть.

– Меня интересует состояние сына. Я хочу увидеть его.

Голос у лаэрда низкий, рокочущий, от него пробирают мурашки, а волоски на затылке поднимаются дыбом. С хозяином Драконьей гряды не стоит шутить, не стоит ему перечить. Он дарг, а не человек. А у даргов свои законы.

Эрла Саваж кланяется и отступает, освобождая проход. Энни за ее спиной тихо ойкает, почти сливаясь со стеной. Лаэрд Серебряного клана пугает ее до жути. О нем ходят разные слухи... и не понятно, что из этих слухов чистая правда, а что – бабьи выдумки. Но ей и не хочется выяснять. Хочется поскорее убраться из этого мрачного места

– назад, в долину, к теплу и ясному солнцу.

Лаэрд проходит мимо нее, прихрамывая на левую ногу. Высокий, прямой, будто палка. От него веет холодом. Коса цвета черненого серебра змеей спускается вдоль спины, широкие плечи затянуты в сукно камзола, черное, без кружев и галунов. Стук трости по каменным плитам вторит эху его шагов.

Двери смыкаются, оставляя женщин одних. Повитуха выдыхает, ее пышная грудь облегченно колеблется в тесном корсете.

– Пусть Пресветлая защитит бедняжку, – шепчет эрла Саваж, совершая молитвенное знамение, три круга вокруг лица, и Энни дрожащим голосом вторит ей. – Ребенок не жилец, но у меня язык не повернулся сказать такое лаэрду. Давай-ка убираться отсюда, пока он сам это не понял!

На южной стороне замка женщин ждет карета, запряженная в пару анкров – крылатых ящеров, полумразумных предков нынешних хозяев гряды. Они доставят их в долину. Другим путем из замка не выбраться.

– Ой, что будет-то! – Энни прижимает ладони к щекам, со страхом глядя в закрытую дверь.

– Идем! – эрла хватается ее за руку. – Лаэрду не привыкать хоронить своих жен... и сыновей.

* * *

Габриэль сжимает набалдашник до хруста, когда перед ним открываются двери. Этого дня он ждал двадцать лет.

Семь! Семь неудачных попыток получить наследника.

Первые две супруги умерли в родах, пытаясь произвести на свет долгожданного сына, третья упала с лошади и сломала хребет. После этого по окрестным землям пополз слухок, что хозяин Драконьей гряды проклят. Отцы больше не хотели отдавать за него своих дочерей, хотя стать супругой дракона из Серебряного клана мечтала каждая девушка на ближайшую сотню лиг!

Да он и сам не хотел больше жениться. Закрылся от мира в своей берлоге, мечтая забыться между колбами и ретортами. Это единственное, что интересовало его – алхимия. В свое время он слыл

лучшим студентом Академии тонких наук. Ему прочили место
профессора
на факультете алхимии. Но
судьба распорядилась иначе.

Приказ императора заставил бросить столичную жизнь, вернуться
домой,
в родные хребты, и исполнить
сыновий долг.

Люди называли эти горы Алмазными за многочисленные
вкрапления слюды, что сверкали на солнце будто алмазы. Но главной
их ценностью был форпост, стоящий на грани света и тьмы. Крепость,
возвышающаяся над бездонным ущельем, из которого днем и ночью
поднимался туман.

Здесь издревле обитали драконы. Из рода в род защищали земли
за грядой от исчадий тумана. Отец Габриэля был их лаэрдом две сотни
лет,
но пришел его срок.

Драконы не умирают, как люди. Они не лежат в постели,
окруженные внуками и детьми, дожидаясь последнего часа. Нет, они
поднимаются в небо, в свой последний полет. Как можно выше,
сколько хватает сил. И уже оттуда камнем падают вниз.

Габриэль видел, как рухнул отец. Своей могилой старик выбрал
ущелье. Теперь ответственность за Серебряный клан и границы легла
на плечи молодого дракона.

Но самое главное, по древнему обычаю ему предстояло найти
Хозяюку гнезда, ту, что разбудит Шеннасайн – Дух замка и подарит
клану наследника.

Сколько их было? Брюнеток, шатенок, блондинок... Худенькие и
пухленькие, хорошенькие и не очень. В основном дочери обнищавших
дворян, которым вряд ли что-то светит в столице. Они шли
бесконечным потоком через драконью гряду, мечтая пробудить замок.
Мечтая стать супругой дракона и занять почетное место в самими же и
придуманной иерархии.

Но ни одной из них артефакт не откликнулся. Древний
серебряный колокол на главной башне не зазвонил.

Устав ждать, Габриэль просто женился на первой, что показалась
достойной партией. И вот, спустя двадцать лет, он трижды вдовец и
отец четырех дочерей.

Но в эту ночь, кажется, судьба ему улыбнулась. Недаром до
самого рассвета сверкали молнии, гремел гром и ливень над ущельем и
замком стоял сплошной стеной. А едва солнце поднялось, как тучи
рассеялись без следа, открыв беззаботно чистое небо.

Сын. У него наконец-то есть сын.

Перед этой новостью меркнет все остальное.

Почти не дыша, Габриэль переступает порог. Огромная комната тонет в полумраке, но в камине горит огонь, и свечи в бронзовых канделябрах освещают колыбель, вырезанную из палисандра. Неизвестный мастер хорошо постарался, придавая ей вид ладьи с головой

и хвостом дракона.

Он подходит ближе. Разглядывает жалкое сморщенное существо, завернутое

в кружева.

Неужели все дети такие уродцы? Впрочем, он никогда не видел младенцев, на дочерей не ходил смотреть. Да они его и не интересовали. Сейчас он вообще смутно представлял, как они выглядят и сколько им лет.

Девочками с рождения занимались няньки и гувернантки. К тому же приглашенный целитель сразу определил, что малышки бесплодны. В последнее время таких становилось все больше и больше, словно дарги

чем-то прогневали своих драконьих богов...

Но сын...

Сыном он займется сам. Сейчас же прикажет перенести колыбель и все детские вещи в свои личные покои.

Нужно найти ребенку кормилицу, а лучше двух. Благородные дамы брезгают кормить грудью своих детей, ему никогда не понять, почему. Но его наследник ни в чем не будет нуждаться. И женского молока

у него будет столько, сколько

понадобится, и даже больше!

Габриэль тянет руку. Касается костяшками щеки младенца. Его пальцы подрагивают от нетерпения, и дарг замирает, наслаждаясь ощущением

нежной младенческой кожи.

Но ребенок внезапно морщится и раскрывает беззубый рот. Из него вырывается тихий плач. Жалкий и жалобный, словно писк слепого котенка.

Габриэль отступает.

До боли сжимает руку в кулак, не чувствуя, как ногти врезаются в кожу.

— Эрайн!!! — гремит под сводами замка голос хозяина.

– Да, Ваша Светлость, – верный слуга уже через миг на пороге.

– Ребенка перенести в мою спальню. Больше света, больше тепла. Найди двух кормилиц и доставь из столицы лучшего целителя.

Обещай ему все, что угодно, но он должен быть здесь завтра с утра. Иди!

– Слушаюсь, мой лаэрд.

Габриэль отступает в тень, когда комната наполняется слугами. Боль сжимает его виски, но он терпит. Боль простреливает колено, но он лишь крепче сжимает трость и сильнее чеканит шаг.

Мрачной тенью проходит по коридору. На миг, поддаваясь порыву, останавливается возле закрытых дверей. Тянется к бронзовой ручке, сделанной в виде головы льва.

Это спальня Авроры.

И стоило бы зайти, справиться о самочувствии. Как-никак, она родила

ему сына...

Но в последний момент рука замирает и падает.

Нет, ни к чему. Он дал ей все, что записано в брачном контракте.

Теперь, когда сын родился, она ему ничего не должна.

Пусть убирается.

К тому же... она не смогла разбудить Шеннасайн.

Глава 1

Меня разбудили звуки.

Не привычный шум машин или дикие вопли Тиля Линдеманны, которого

преданно и беззаветно любит сосед.

Нет, это было что-то другое, непривычное слуху и от того странное.

Шум ветра, шелест листвы, переливы жаворонков...

Жаворонки?!

Откуда жаворонки в сентябре?

От удивления я открыла глаза и уставилась в потолок.

Красивый такой. Высокий, сводчатый, украшенный искусной

лепниной, подчеркнутой золотыми мазками. В центре — огромная люстра, вся из прозрачных голубоватых кристаллов. А между узоров лепнины, прямо вокруг основания люстры, расположились картины.

Я приподнялась на локте, машинально прищурилась, пытаюсь рассмотреть, что там нарисовано. И удивилась еще больше. Кажется, у меня еще и со зрением что-то не то...

Куда делись мои «минус два»? Я из принципа очки не ношу, да и привыкла уже жить немного в тумане. А тут такое...

Удивление сменилось тревогой, когда взгляд скользнул ниже.

Странная комната. Слишком большая и помпезная, чтобы находиться в стандартной квартире. На стенах панели, отделанные золотым орнаментом, между панелей — пилястры, украшенные псевдо-капителью со сложным узором. Одна стена от пола до потолка вообще закрыта плотными шторами, подозрительно напоминающими портьеры в театре. Пол выстелен гладкими плитами. Мрамор? Очень похоже...

Мебель тоже причудливая. Вся деревянная, с тонкой резьбой, украшенная эмалью и разноцветными камешками.

Дальний угол отделен ширмой, и везде, куда ни глянь, повторяется один и тот же рисунок. Драконы. Сотни крылатых ящеров в разных позах.

Куда я попала?

События вчерашнего дня навалились так резко, что я со стоном рухнула

обратно в кровать.

А вчерашего ли?

И что за бред мне приснился, что я родила?

Откинув плотное стеганое одеяло, быстро ощупала живот. Черт!

Он как сдувшийся шарик.

Уже следом за этим пришло понимание, что между ног у меня что-то

лежит.

Сдерживая страх, села и задрала подол рубашки, больше похожей на саван. Так и есть, кто-то поскупился мне на прокладки. Зато на тряпки

расщедрился, запихнул под меня пол-простыни!

А еще я поправилась и обзавелась ямочками на бедрах. И кожа стала

намного белее. Куда делся мой черноморский загар?!

Ситуация казалась настолько абсурдной, что я не сдержалась и хихикнула. И тут же поняла, что меня начинает трясти. Наверное, шок...

Скрипнула дверь между пилястрами.

Я вздрогнула, быстро одергивая подол. Вцепилась руками в одеяло и натянула до самого подбородка. Ошарашенным взглядом уставилась на ту, что вошла.

— Ваша Светлость, вам еще рано вставать. Роды были трудными, вы потеряли много крови! — закудаhtала женщина, приближаясь ко мне.

На вид ей лет сорок. Пышная, круглолицая, в длинном коричневом платье с передником. Волосы убраны под белоснежный чепец

с острыми ушками.

Чепец?!

— Что... происходит? — я судорожно сжала край одеяла. — Где

я?!

Хотела сказать это громко и четко, но голос подвел, так что вышло

довольно жалко.

— Как где? — удивилась незнакомка, разворачивая рядом со мной бурную деятельность. — Конечно же у себя в покоях! Ох, и напугали же вы нас, госпожа. Мы за душеньку вашу всем замком молились! Боялись,

что вы тоже того... как другие...

Другие?

Это слово отдалось в душе холодком.

Женщина подозрительно шмыгнула носом и быстро утерлась. Затем направилась в противоположную от кровати сторону, где стояла

пресловутая ширма. Дернула какой-то шнурок, ширма собралась в гармошку, и за ней открылся вид на огромную ванну. Белоснежную, стоящую на бронзовых ножках в виде львиных лап. В мраморной стене над ванной тускло поблескивали знакомые вентили. Я такие видела в квартире у бабушки. То ли бронзовые, то ли латунные.

А еще там было зеркало. Овальное, в тяжелой раме с завитушками. И такое старое, что поверхность его покрылась патиной.

Мне до ужаса захотелось глянуть в него. Словно там меня ждало что-то важное.

Женщина покрутила вентили, и из толстого короткого крана в ванну хлынула вода.

— Вот так, — пробормотала незнакомка, пробуя воду, — сейчас я вас хорошенько помою. Как раз вчера Эйран вернулся, привез с собой целителя из столицы. Тот младенчика осмотрел, прописал какие-то травки и к вам заглянул. Сказал, что вам нужно беречься от этих, как их... — она на минуту задумалась, потом радостно заулыбалась, вспомнив сложное столичное слово. — Стрессов! Вот! Свежий воздух, прогулки, покой. И ванны расслабляющие посоветовал. Ну, этого добра у нас навалом, а ванну с лавандой и мятой я вам сейчас устрою!

Пока она говорила, мои глаза становились все шире и шире. А в душе росло понимание, что нет, я не сплю и не брежу. И все это происходит в реальности.

Кажется, меня перепутали с кем-то. Или, как вариант, я сильно ударилась головой и забыла часть минувших событий.

Еще теплилась надежда, что все это розыгрыш. Но она быстро слабела.

Женщина поставила в ванну маленькую табуретку и направилась ко

мне.

— Поднимайтесь, госпожа. Давайте-ка я вам помогу.

Я безропотно подчинилась. Помыться и в самом деле очень хотелось. Тело плохо слушалось, а кожа была влажной и липкой. К тому же я решила пока помолчать и осмотреться. Нужно выяснить, куда меня занесло.

А еще в голове назойливой мухой жужжала мысль, от которой я не могла отмахнуться.

У меня есть ребенок. Я мать...

И я не знаю, как к этому относиться.

* * *

Мытье сидя на табуретке было совсем не тем, что я представляла при слове «ванна». Словоохотливая незнакомка, которая, как оказалась, была моей нянькой и приехала со мной сюда из отчего дома

— чего я, хоть убейте, не помню! — осторожно поливала меня из кувшина теплой водичкой.

За спиной у меня две молодые девчонки в тех же нелепых чепчиках и платьях с передником перестилали кровать и взбивали перины.

Вокруг разливался аромат лаванды и мяты.

Я сидела, блаженно жмурясь. Между ног ощущалась небольшая отечность, еще побаливала поясница, да тянул низ живота. Но особого дискомфорта, кроме общей слабости, я не замечала. И совсем не чувствовала себя как женщина после трудных родов и огромной потери крови...

Кстати, а как вообще должна себя чувствовать женщина после такого? Моих познаний в этом вопросе катастрофически мало. Точнее, их просто нет.

Хотелось выбросить дурацкую табуретку и окунуться в воду по самую шею. Нянька, имени которой я тоже не помнила, ворчала что-то насчет тяжелых родов, наставлений целителя и магического оберега, на который расщедрился мой драгоценный супруг.

Последняя фраза заставила меня очнуться и вынырнуть из блаженной дремы.

— Магический оберег?

Я точно в своем уме? Только магии мне не хватало.

И кстати, раз уж речь об этом зашла, а кто мой супруг? За кого я замуж выйти успела? Уж точно не за...

Незаконченная мысль испарилась.

— Ох, госпожа, так вот же! — нянька потыкала пальцем в мое запястье.

Хм, а я и внимания не обратила. Висит шнурочек какой-то.

Тонкий, невзрачный, с тусклым камешком, похожим на кварц.

— И что оно делает? — пробормотала, рассматривая украшение.

— Ох, целитель заумно так говорил... Вы уж простите меня, но я мало что поняла. Вроде как бережет вас от родильной горячки.

Про родовую горячку я только в исторических любовных романах читала. И смутно представляла, что это такое. Но одно знала точно: в этих самых романах женщины от нее мёрли, как мухи!

И мне стало не по себе.

Я поежилась, пытаюсь успокоить дрогнувшее сердце.

Нет-нет, умирать мне еще рано! Значит, камешек этот нужно беречь.

– Э-э-э... а этот оберег сколько действует? Заряжать его надо?

– Целитель сказал, что хватит на пару недель.
Замечательно! А дальше что?

Черт, почему я в медицинский не поступила? Сейчас бы хоть знала, что делать женщине после родов. И вообще...

Меня накрыла новая мысль. Я лихорадочно огляделась, уже по-новому осматривая обстановку.

– Значит, я рожала здесь?

– В этой самой постельке! – гордо заявила нянька, подтверждая мои
подозрения.

Значит, домашние роды. Что ж, и такое бывает.

– А врачи были? Кто роды у меня принимал?

– Э-э-э... – теперь уже она уставилась на меня с наивным недоумением. – Лекари то бишь? Так нет, госпожа, они же дарги! Не положено им... Из долины повитуху прислали с помощницей. Они вдвоем все и сделали. Ребеночка приняли, все честь по чести.

Я слушала, мысленно материлась и качала головой. Хотелось обхватить себя за щеки и взвыть.

Мало того, что не помню, как умудрилась выйти замуж, выходить девять
месяцев и родить, так еще и попала в
какое-то средневековье!

Повитуха, целители. Ванна на бронзовых ножках. И нянька! У меня! Великовозрастной девицы двадцати трех лет от роду!

Откуда взялась?!

Подчиняясь внезапному озарению, я прохрипела:

– Зеркало! Поверни ко мне зеркало!

– Госпожа, давайте я вас хоть оботру.

– Нет! Сейчас же!

И сама испугалась командных ноток, прозвучавших в моем голосе.

Нянька развернула в мою сторону тяжелое псише. Протерла пар передником
и застыла, неодобрительно
глядя на меня.

А я подалась вперед, к зеркалу, чувствуя, как внутри что-то съезживается. Сжимается, покрывается изморозью... Наверное, душа.

Гладкое стекло, покрытое капельками влаги, отразило меня... И не меня.

Нет, определенно что-то знакомое было. Но я действительно стала полнее, килограммов семь точно набрала. Спишем их на беременность.

Мой аккуратный второй размер расплзся до четвертого с плюсом. Но это было не все.

Я поднялась, чтобы увидеть себя во весь рост.

Можно поправиться или похудеть, отрастить грудь и попу... Но нельзя изменить тип фигуры! У меня от природы фигура

«прямоугольник», мальчишеская. Кости тонкие, попка с кулачок. Ребра светятся, а талии нет.

А теперь... Теперь на меня смотрела женщина в самом соку. Идеальные «песочные часы» с роскошной грудью и бедрами, а ещё отлично просматривалась узкая талия, чуть подпорченная обмякшим животом.

Как во сне, я коснулась лица. Отражение в зеркале повторило мой жест.

На меня смотрел мой ночной кошмар.

Черные волосы, черные брови, черные ресницы, выбеленная до синевы кожа без единого признака румянца или веснушек...

— Я... покрасилась? — пролепетала, хватаясь за голову.

Волосы были тщательно зачесаны и уложены вокруг головы. Ни одной прядки не выбивалось из этой прически, поэтому я сразу не заметила

изменений. Да и не до этого было.

— Так давно уже, госпожа! Разве не помните? Матушка настоящая.

Негоже благородной девице бегать рыжей, как деревенщина.

— Благородной... девице... — повторила я эхом.
Внутри все покрылось льдом.

Мои прекрасные волосы! Мой потрясающий золотисто-медовый

оттенок, которым я так гордилась! Который лелеяла!

Верно, я была не в себе, когда покрасила их в этот ужасный
черный
цвет!

На моем лице что-то отразилось, и нянька побледнела.
Подхватила кусок полотна с бахромой на концах и накинула на меня.
Закутала, как ребенка, буквально спеленывая, запричитала:

– Госпожа, вам нельзя волноваться. Сейчас я вас оботру, вот так.
Рубашечку свежую. Помните ее? Матушка ваша прислала в том году,
как раз на годовщину свадьбы с лаэрдом. А теперь идемте в постельку.
Осторожно, не оступитесь.

Матушка? Сомневаюсь, что она могла прислать мне такое! Только
не

моя мать.

Нянька усадила меня на кровать. Но вместо того, чтобы лечь, я
вцепилась в нее:

– Что это за место? Сколько я уже замужем? Кто мой супруг
и... – Набрала воздуха побольше и выпалила, как в пропасть
нырнула:

– Кто я, черт подери?!

Вместо «черт» из моих уст вылетело что-то похожее на «гхарр». И
только тогда пришло осознание, что все это время я говорю на чужом
языке.

Она не успела ответить.

Снова скрипнули двери. Заглянул мужчина в ливрее.
В
ливрее!

Отвесил поклон:

– Госпожа Аврора, Его Светлость желает вас видеть, – и
растворился в тени.

Нянька охнула, делая пальцами, сложенными в щепотку, странный
знак вокруг лица. И суетливо пригладила кружавчики на моей свежей
рубашке.

– Пришел, лиходеи, принесла нелегкая, – услышала я ее
боротание.

И уставилась на открытые двери.

Незванный гость остановился в дверях. Причем так, что тень почти скрыла его фигуру. Но высокий рост и военную выправку скрыть не смогла, как и гордо откинутую голову. А еще пронзительный и совсем не ласковый взгляд, которым он наградил меня.

«Так-так, — стукнуло в голове, — похоже, с муженьком у нас что-то

не ладно».

Повисло молчание.

Он просто стоял и смотрел на меня, пока из спальни торопливо выбирались горничные и нянька. Последняя шарахнулась от него, как черт от ладана, продолжая бормотать под нос то ли проклятья, то ли молитвы.

Я же все это время сидела в постели, точно курица на гнезде. Нянька успела прикрыть меня по пояс одеялом, расправить кружева на груди и под спину подсунуть подушки. Но, несмотря на все ее ухищрения, я чувствовала себя по-дурацки. И совершенно не знала, как начать разговор.

Впрочем, он же сам пришел ко мне? Вот пусть первым и начинает!

Когда служанки вышли, он шагнул в комнату, на освещенное место.

Первое, что бросилось в глаза, это его походка. Мой супруг был хром на левую ногу! В руках он держал трость из темного дерева и с силой

опирался на нее при каждом шаге.

Справившись с первым шоком, я оторвала взгляд от его ног в начищенных сапогах и подняла глаза выше.

Мужчина, стоящий передо мной, словно сошел с картины восемнадцатого века. На эту мысль навел длиннополой камзол, черный, мрачный, тщательно застегнутый на два ряда тусклых пуговиц. И без единого украшения, если не считать таковым тоненькое белоснежное

кружево на запястьях и вокруг

воротника-стойки.

Испытывая все нарастающую тревогу, я заглянула ему в лицо.

И

растерялась.

Да, он красив. Красив той холодной, нечеловеческой красотой, которую в природе не встретишь. Будто статуя, вырезанная умелым резцом из глыбы холодного льда.

Надменное лицо с правильными, но резкими чертами, волосы непривычного серо-стального цвета, заплетенные в длинную косу, изящные дуги бровей, прямой нос, твердо очерченный подбородок. На чуть запавших щеках – серые тени, и неожиданно длинные густые ресницы, которым позавидует любая красotka.

Он качнулся вперед, переступив с ноги на ногу, и воздух застрял у меня в груди.

Не веря тому, что вижу, я мысленно перекрестилась и ущипнула себя за руку. Но нет, мужчина никуда не исчез. И его пугающие глаза

расплавленного металла – тоже.

Но таких глаз у людей не бывает! Тем более с вертикальными зрачками.

Мелькнула мысль, что это линзы, но тут же ее перебила другая: кем бы ни был мой муж, он не похож на человека, который станет заниматься такой ерундой. И...

Он вообще мало похож на человека.

– Вы так разглядываете меня, льера, словно впервые увидели, – раздался хриловатый голос с ироничными нотками.

Я сглотнула, сцепила пальцы и опустила глаза.

– Простите...

Эм, а почему мы на «вы»?

Его взгляд ощупал мое лицо. Так настойчиво и откровенно, что мне

захотелось провалиться сквозь землю.

Умом я понимала: это мой муж. И судя по всему, мы женаты не первый день. У нас отношения, какие-то чувства... Надеюсь.

Но меня не покидало ощущение, что этого мужчину я вижу впервые в жизни, и что он абсолютно чужой для меня. А смотрит так, будто хочет найти в моем лице что-то особенное, известное лишь ему одному.

Видимо, не нашел.

Выпрямился, убирая с лица жадное, ищущее выражение. Холодно произнес:

– Я рад, что вы в добром здравии.
А уж как я этому рада!

– У нас с вами осталось незаконченное дело, дорогая супруга.

А вот это «дорогая» царапнуло.

– Ваша семья оценила вас очень недешево, – продолжил он, не скрывая сарказма, – но я свою часть контракта выполнил. Теперь, когда наследник родился, вы получите оставшуюся часть золота и драгоценных камней. Грамота о присвоении восточной части Эссеорских земель уже отправлена вашему отцу с магическим вестником. Думаю, дней через пять ваши родственники придут за вами. До того момента вы можете оставаться в своих покоях. И... – его голос внезапно смягчился, а глаза на мгновение вспыхнули красным золотом, – благодарю за сына.

Решив, что разговор окончен, он развернулся к дверям.
Но

я так не считала.

– Что, простите? – от удивления даже привстала, забыв про сползающее одеяло. – Вы меня выгоняете, я правильно поняла? А ребенка хотите оставить себе?

Мелькнула мысль: а почему бы и нет? На черта мне этот мужик, хоть и красивый? Ну, не почувствовала я к нему никакого сердечного трепета.

Хотя нет, вру, что-то ёкнуло, когда он смотрел на меня.

И ребенок, которого я не хотела, не видела, и не помню, как родила. Он казался мне чем-то абстрактным, какой-то величиной, что присутствовала в уравнении, но ни на что не влияла.

Чужой мужчина, чужой ребенок.

– Выгоняю? – изящная бровь супруга выразительно приподнялась.

– Разве это не то, чего вы хотели?

– Я хотела? – от удивления растерялась.
Разве мать может такое хотеть?

– Если мне не изменяет память, то брачный контракт был составлен с учетом ваших желаний. Вы и ваши родители настаивали на вполне определенной сумме за ваши... – он скривился, – услуги. И особым пунктом стояло возвращение в Эссеор.

– Ерунда какая-то, – пробормотала, чувствуя, как внутри разливается горечь. – Ничего не понимаю...

Мне стало холодно и одиноко. Так холодно, что я машинально обняла себя за плечи, и так одиноко, что к глазам подступили слезы.

Снова одна. Снова никому не нужна. Снова мужчина выбрасывает меня, как ненужную тряпку...

Будто я только что сама не подумывала, что лучше уйти.

Что-то дернуло поднять глаза. Я наткнулась на взгляд супруга, сухой и внимательный. И словно со стороны услышала собственный голос:

– Скажите, а мы любили друг друга? Между нами было хоть что-то,
кроме контракта?

На мгновение показалось, что в его глазах мелькнуло сожаление.

Мелькнуло – и пропало. Взгляд снова стал нечитаемым.

– Странно слышать подобный вопрос из ваших уст, – задумчиво произнес супруг. – Жаль, что ответа мы никогда не узнаем.

И вдруг подался ко мне.

Три быстрых скользящих шага, удивительно грациозных при его хромоте. И вот уже твердые пальцы сжимают мой подбородок, заставляют запрокинуть голову вверх. Я вижу пылающие глаза с черной бездной зрачков. Зрачки расширяются, заполняют золотое пространство, мужское лицо склоняется надо мной, закрывая весь мир...

И сухие, иронично скривленные губы накрывают мои.
Жадно. Жарко. Порывисто.

Прикасаются, заставляя все тело вздрогнуть в сладкой истоме.
А

затем поцелуй обрывается. Так же внезапно, как начался.

У меня в голове шумит. В полной прострации я смотрю, как он отодвигается, хмурится, недовольный чем-то. А на лице у него выступают чешуйки...

Чешуйки! Тонкие, серебристые, в них, точно в осколках стекла, отражается свет.

В глазах вспыхивает неподдельная тревога. Он что-то шипит сквозь стиснутые зубы. Резко оборачивается к дверям, и те
распахиваются,

словно кто-то с той стороны толкнул их ногой.

На порог вбегает лакей. Его лицо перекошено страхом:

– Ваша Светлость! Наследник! Ему нужна помощь!

Мой муж срывается с места. Смазанной тенью проносится мимо, за его спиной темным плащом разворачиваются два крыла. А я

остаюсь

своим глазам.

в полном оцепенении, не веря

Люди так не двигаются! Люди не обрастают сверкающей чешуей!

И... у людей нет перепончатых крыльев.

Меня

накрывает внезапное

понимание.

Я попала...

Конкретно попала...

Из меня вырывается истерический смех.

* * *

За дверями комнаты слышалась беготня. В воздухе разливалась тревога, которая передалась и мне. Вытирая слезы и придерживая ноющий живот, я сползла с постели и заковыляла к дверям. Как раз вовремя,

чтобы упасть на пышную грудь няньки.

Моя спасительница подхватила меня, причитая.

— Хватит ныть! — рявкнула я, цепляясь за ее платье. — Что там происходит?

— Ох, батюшки, — нянька подтащила меня к ближайшему креслу, с трудом усадила. От слабости я кулем свалилась в его объятия. — Говорила же я вам, госпожа, рано вставать! Ноженьки-то не держат!

— Что происходит? — повторила с нажимом, борясь с тошнотой и нахлынувшим головокружением.

Ее взгляд подозрительно забегал. Сжав передник, она уголком промокнула глаза.

— Сыночек ваш... слаб очень. Говорят, драконьи боги призвут его, как и всех остальных.

— Кого... остальных? — обомлела я.

Это что получается, у меня, то есть у этой Авроры, чье тело я заняла, были другие дети? И все умерли? Вот так сюрприз...

Нянька посмотрела на меня, как на чокнутую.

— Госпожа, так проклятый он, муж ваш, и весь род его. Трех супруг похоронил и двух сыновей. Бедняжки мертвыми на свет народились. Потому никто из местных и не хочет отдавать за него

своих дочерей. Только ваш батюшка согласился.

Чем дальше, тем страшнее. Что ж у нас за батюшка-то такой?
Перед глазами двоилось.

В памяти всплыли слова супруга о контракте и оплате моих
«услуг». И стало так гадко на душе, что захотелось выругаться вслух
на великом и могучем. Но нецензурщина, промелькнувшая в мыслях,
так и не смогла оформиться в звуки. Вместо этого я издала какой-то
невнятный

хрип.

Беготня за стеной поутихла, и мне почему-то стало легче дышать.
Но теперь слух различил детские голоса. А ещё тревога, сжимавшая
сердце, постепенно слабела, будто я точно знала, что причин для неё
больше

нет.

— Здесь есть дети?

Нянька со страхом заглянула ко мне в лицо.

— Вы не помните?

Черт, что мне делать? Сказать, что я не ее госпожа? Тогда мне
точно помощи не дожидаться, выбросят на улицу, в чем мать родила.
Супруг-то вон не очень любовью пылает. Пришел к едва родившей
жене поблагодарить за услуги и указать на дверь!

Придется рискнуть.

— Не помню, — покачала головой. — Вот как пришла в себя
после

родов, так многого и не помню. Сплошной
туман в голове.

— Это, наверное, зелье обезболивающее действует до сих пор, —
сокрушенно поохала нянька. — Повитуха его в вас столько влила, что
можно было Разлом наполнить.

— Он сказал, что у нас контракт. Что за мной скоро приедут
родственники

и заберут. Что это за
брак?

— Батюшка ваш сильно о братьях ваших беспокоился. Имение
маленькое, дохода почти не приносит, а молодых эрлов надо куда-то
пристраивать. Образование достойное дать, должность купить при
Дворе или чин офицерский.

— И он решил расплатиться собственной дочерью? — кольнула
неприятная

догадка.

– Так-то оно так, – вздохнула нянька, – да только не серчайте вы на него. Он же и о вас беспокоился. Никто бесприданницу замуж брать не хотел. Уже двадцать весен прошло, а вы все как перст одинокий.

Матушка ваша плакала, что вы так и останетесь старой девой.

– Ага, – хмыкнула я, – горькими слезами умывалась.

Что-то мне подсказывает, что добрые родственнички не знали, как избавиться от этой Авроры.

– Зря вы так, госпожа. Эрла Диодора все сделала для вашего счастья. Теперь вы светлейшая льера, супруга лаэрда Серебряного клана. Это большая честь, выйти замуж за дарга!

Так вот, кто мой супруг. Дарг. Надо бы узнать поподробнее, что за зверь, но потом. Сначала выясним более важные вещи.

– Многие юные эри завидуют вам! – самозабвенно продолжала нянька.

– Теперь перед вами откроются все столичные двери.

– Ой ли? – засомневалась я.

Ситуация казалась до боли знакомой.

Моя родная тетка вышла замуж не за того, кого любила, а за того, на кого отец указал. Потому что любимый был бедным студентом, а тот, второй, уже бизнес свой имел. Сеть придорожных кафе. И по меркам нашего городка чуть ли не олигархом считался. А еще был племянником мэра.

Этот брак вывел нашу семью на уровень местной элиты, только тетка счастливой не стала, и я частенько замечала ее покрасневшие от слез глаза. Зато мой отец (ее брат) и все остальные родственники были безумно счастливы.

Вот и теперь интуиция настойчиво твердит, что с помощью этого брака

братья Авроры, а не она, получают доступ в столичные салоны.

Но есть ещё кое-что, что меня смущает.

– Значит, до меня он был три раза женат? И все три жены умерли?

– Да, госпожа.

– А дети? Кроме тех, что родились мертвыми.

– У лаэрда четыре дочери.

– А я с ними общалась?

– Нет, что вы. Ваши падчерицы живут в Западном крыле, их сюда не пускают. Вы сами так распорядились. Сказали, что от детских криков

у вас болит голова. А лаэрд не стал спорить.

– И сколько девочкам лет?

– Госпожа, вы ими никогда не интересовались.

– А теперь интересуюсь. Так сколько?

Оказалось, старшей уже пятнадцать. Ее мать была первой женой и умерла, произведя на свет мертвого сына. Потом две погодки десяти и

восьми лет. Милый возраст. Их матушка скончалась, упав с лошади, которая ни с того ни с сего понесла. А младшей всего четыре. Ее мать, как и первая, отдала богу душу, пытаясь осчастливить супруга наследником.

М-да, перспективка-то мрачная вырисовывается у меня.

– Мой... муж сказал, – произнесла, перекатывая на языке слово

«муж» и смакуя его звучание, – что по контракту я должна вернуться к

родителям. Это он так решил?

– Нет, что вы. На этом настояла ваша матушка, для вашей же безопасности!

– Поясни.

– Проклятый он! – повторила нянька, вытаращив глаза и сделав тот странный жест вокруг лица, будто паутину стряхнула. – Как пить

дать, проклятый! Вся Долина об этом шепчется, весь Нарг-та-Рин.

– Потому что жены мрут?

– И это тоже! Говорят, твари Разлома оставили на нем свою печать. Не зря он хромает! – Ее голос упал до сиплого шепота, глаза превратились в две плоскости. – Уж сколько даргов спускалось в Разлом, сколько там полегло, он один вернулся живым. Изодранным до костей, но живым!

Я закрыла глаза. Разум отказывался принимать этот бред, но в глубине души я знала, что все происходящее – не плод моего воображения, а реальность. И мне в этой реальности жить.

У меня хромой муж-дракон.

Господи, как смешно это звучит.

Четверо падчериц, вряд ли пылающих любовью ко мне.
И сын, которого я даже не видела...

А еще мне никто не дал времени, чтобы принять все случившееся и привыкнуть. Но у меня есть два пути, и от того, что я выберу, зависит

моя дальнейшая жизнь.

Уйти или остаться?

Вернуться к родителям Авроры и постараться начать новую жизнь с чистого листа, или рискнуть и найти свое место здесь? Например, в сердце

этого холодного дарга.

Я не знала, чего хочу больше. Но вкус его поцелуя все еще тлел на губах.

Открыв глаза, хрипло шепнула:

– Хочу увидеть ребенка.

– Это невозможно, ваш супруг запретил.

– Возможно, – ухватившись за перила кресла, тяжело поднялась. – Я его мать.

Глава 3

Ага, сказать-то – раз плюнуть. А вот с реализацией громких планов

вышла неувязочка.

При помощи няньки, которую, кстати, звали Гелла, что выяснилось в процессе, я доковыляла до высоких двустворчатых дверей, украшенных витиеватым орнаментом. Но то ли двери были очень тяжелыми, то ли сил у меня маловато, только открыть я их не смогла.

Подергала ручку, потом постучала.

– Не поможешь? – буркнула Гелле.

Та смотрела на меня с жалостливым выражением на лице.

– Госпожа, лаэрд не велел...

– Открывай!

С обреченным вздохом она толкнула дверь.

Чертова штуковина распахнулась наружу! Но я же помню, что когда в мою комнату кто-то входил, она всегда открывалась вовнутрь! Видимо, все зависит от того, с какой стороны находишься. Нужно запомнить.

Едва я выползла на порог, как словно из-под земли передо мной вырос блондинистый парень в милом костюмчике с серебряными галунами. Двубортный голубой китель спереди обрезан по пояс, а сзади спускается двумя фалдами, кокетливо прикрывая подтянутый зад. Узкие синие бриджи заправлены в сапоги, на груди широкая перевязь, будто лента выпускника, в руках – увесистый клинок длиной с мою руку, не меньше.

А сам блондинчик серьезный до крика. Насупился, бровки сдвинул. Сверлит меня подозрительным взглядом.

И пока он рот не открыл, я решила первой пойти в наступление.

– Где мой сын? – вскинула подбородок. – Я хочу его видеть.

Как чужая, что мямлить и показывать слабость нельзя. Раз мой муж тут самый главный, значит, я тоже. И нужно вести себя соответственно. Тем более, если верить Гелле, моя предшественница так себя и вела. Заносчиво и надменно. Видно, брак с даргом и резкий взлет ударили ей в голову.

Да только как не показывать слабость, если ноги не держат, а в голове шумит все сильнее?

– Простите, светлейшая лъера, вам запрещено покидать эти покои.

Лицо блондина даже не изменилось. Только меч опустил.

– Кем запрещено?

– Его Светлостью.

Это начинало уже раздражать.

– Со своим мужем я сама разберусь, – процедила, пытаюсь сохранить

внешнее спокойствие. – Проводи меня к сыну.

– Вам запрещено...

– Я пленница? – перебила его. – Под арестом?

– Нет, но...

– Вот и чудесно!

Не церемонясь, двинулась на таран. Расчет был оправдан: парень вынужденно отступил, избегая физического контакта со мной. А я удовлетворенно заковыляла вперед. Интуиция подсказывала, что стратегия правильная. Каким бы суровым не выглядел этот блондинчик,

он не посмеет прикоснуться ко мне.

Я успела сделать пару шагов на голом энтузиазме, когда поняла, что мир вокруг закружился. Притихшая Гелла подхватила меня под локоть, не давая упасть. И слава богу, что не стала ничего говорить. Только

сопела неодобрительно.

Охранник с минуту смотрел нам вслед. Потом молча пристроился с другой стороны, осторожно, избегая прикоснуться к моей голой коже, подставил плечо. Я благодарно оперлась.

– Наследника лаэрд разместил у себя, – пробормотал парень, и на его бледных щеках проступили пятна румянца.

Меня застеснялся?

– Далеко идти?

– Покои лаэрда на той стороне.

Я проследила за его взглядом. Перед нами лежал широкий коридор, больше похожий на картинную галерею. Мозаичный пол, на стенах панели из красного дерева. Между панелей то картины, то статуи разнообразных существ. С потолка через равные расстояния спускаются трехъярусные люстры. Везде барельефы, позолота, драгоценные камни и завитушки. Нарочитая, кричащая пышность.

А противоположный конец коридора тонет во мраке. Словно там кто-то

выключил свет. И до него шагов пятьдесят, а может и больше.

– Что ж, пора заглянуть к нему в гости, – пробормотала, делая первый

шаг.

Камешек на моем запястье немного нагрелся. Я почувствовала тепло, когда до границы тени оставалось метров пять. Но не придала

этому значения. Гораздо больше тревожило странное ощущение, что наполняло меня изнутри холодком. Предчувствие. Я не знала, хорошее или дурное, но оно отвлекало меня.

— Что с этим местом не так?

Мы вошли в темную зону. Здесь не было люстр, не было красивых панелей на стенах, статуй и картин. Пол из серых каменных плит, такие же стены. С потолка на тусклых цепях свисают светильники, но они не горят. И вообще вид у коридора мрачный, заброшенный, словно мы

из пышного дворца перенеслись в суровую крепость.

— Вы не помните? — вздохнула Гелла. — Лаэрд позволил вам отделать ваши покои, как вы пожелали. Это было свадебным подарком. Но свои и остальную часть замка трогать запретил.

— Замечательно...

Из тени выступил страж. Такой же, как мой блондинчик, только постарше и посуровее на вид. А еще у него на перевязи виднелся

знак.

За спиной стража виднелась дверь, и стоило мне увидеть ее, как сердце затрепетало. Меня потянуло туда, но мужчина молча преградил путь мечом.

Они с моим блондинчиком обменялись особыми взглядами.

А я поняла, что на обратную дорогу сил уже нет. Я должна войти

в эти двери! И если меня не пропустят, я просто свалюсь.

— Я пришла увидеть сына. И не уйду, пока не увижу его. Надеюсь, мой голос не выдал волнения.

— Его Светлость не принимает, — кончик меча замер в десяти сантиметрах от моей груди.

Я скосила глаза на лезвие. Неужели ударит, если я двинусь вперед?

Можно, конечно, проверить. Но что-то подсказывает: моя жизнь не

имеет никакого значения.

— А я к его светлости и не прошусь! — фыркнула как можно безразличнее, хотя все внутри замирало. — Уберите ваш ножик, пока никого не порезали.

Страж даже не двинулся, но в его глазах что-то мелькнуло.

– Льера, вам лучше уйти, – пробормотал мой блондинчик.

– Да, госпожа, не стоит гневить лаэрда, – поддакнула Гелла.

– Я. Никуда. Не уйду! – произнесла по словам, выделяя каждую букву.

– Прочь с дороги!

Как бы не так!

Меч уперся мне в грудь. Острые чувствительно надавило на кожу сквозь ткань. И внезапно нахлынувший ужас заставил меня облиться холодным

потом.

Я ведь не верила! До последнего думала, что он блефует и не посмеет тронуть меня!

– Кайдэн, пусти ее, – раздался знакомый голос.

Я оторвала глаза от меча и встретила с недовольным взглядом супруга.

Едва страж меня отпустил, как сам лаэрд подхватил под белые ручки и без лишней учтивости затолкал в какую-то комнату. Захлопнул

дверь и развернулся ко мне:

– Что вы себе позволяете, льера? Разве я не сказал вам оставаться в

постели и не создавать нам обоим лишних проблем?

Дарг не кричал. Наоборот, говорил очень тихо. Но каждое слово давило бетонной плитой так, что мне захотелось вернуться назад, в коридор.

Я огляделась.

В комнате царил полумрак, но мне удалось понять, что это либо кабинет, либо библиотека. Три стены занимали стеллажи с толстыми книгами, в четвертой был сделан камин, в котором сейчас тлели угли. В центре на кругом столе светился зеленоватый кристалл, видимо, местная лампа.

Я проковыляла к нему и рухнула в кресло.

– Я пришла увидеть ребенка.

– Зачем?

Вопрос меня удивил.

– Как зачем? Я его мать.

– Кажется, мы с этим уже все решили.

– Вы про контракт? Я передумала уезжать.

Наслаждаясь выражением его лица, я откинулась на спинку кресла.

– Хотите остаться? – голос дарга понизился. В нем появились опасные

нотки.

– Да.

– Прежде вы не пылали любовью к этому месту.

– Это было до того, как я родила.

– Что изменилось?

– Все. Я хочу остаться здесь. Рядом с сыном.

– Он в вас не нуждается.

Я сжала кулаки, пряча их в складки платья.

– Он, может, и нет, – произнесла с расстановкой. – Но я в нем нуждаюсь. Пожалуйста.

Черт, как трудно просить. А он стоит у камина, опираясь локтем на каминную полку, и сверлит меня своими змеиными глазами!

Да, именно змеиными. Такими же бесстрастными, холодными и немигающими.

– Ребенку нужна мать, – пробормотала последний аргумент. – Неужели у вас нет сердца?

– Сердца? – он хохотнул. – Кто бы говорил мне о сердце, льера! Вы продали вашего сына за титул. Но сверх этого не получите ничего!

Его голос наполнила жгучая ненависть. Лицо потемнело. Резко обозначились скулы, и на коже вновь проступили чешуйки. Он с хрустом сжал свою трость.

– Убирайтесь! – прошипел, дергая за какой-то шнурок. – Чтобы духу вашего здесь не было!

Дверь распахнулась. На пороге возник страж с мечом. Кажется, Кайдэн.

– Проводи льеру в ее покои, – отрывисто бросил супруг. – И убедись, что она их больше не покинет!

А сам, сильно хромя, пересек комнату, схватил меня за плечо и дернул из кресла. Я только пискнуть успела.

От резкого движения внутри все перевернулось и оборвалось. Тело наполнила острая боль, сознание помутилось. И, уплывая в блаженную

темноту, я рухнула прямо в руки супруга.

* * *

Очнулась в знакомой комнате, в знакомой кровати. Открыла глаза и

установилась в потолок с безвкусной лепниной.

Рядом закудаhtала Гелла, поправляя подушки:

– Госпожа! Очнулись! Хвала Праотцам и всему Светлому краю!

– Тише, – поморщилась. От ее причитаний начала болеть голова. – Что случилось? Как я тут оказалась?

Ведь не приснилось же мне, что я пошла на темную половину? Хм... Так покои супруга и назовем. Темная половина. Звучит!

– Ох, ладушка вы моя, так напугали старую няньку! Я чуть душу предкам не отдала! – затараторила Гелла. – Стою, значит, я в коридоре, а эти убивцы на меня так и зыркают, аж сердце в грудях заходится. Особенно тот, старшой. А тут лаэрд его позвал. Я и вовсе перепугалась, а ну как обидят вас, сердешную? – На этом месте она начала махать-крутить кистью вокруг лица, будто мух отгоняла.

– Стою, ни жива ни мертва. И вдруг крик раздается! Второй дарг кинулся к кабинету, а тут двери сами раскрылись. Смотрю, Его Светлость стоит на пороге, глаза угольями горят, сам бледный, как смерть, и вас, мою душеньку, на руках держит! – Она всхлипнула в голос. – А вы, ласточка моя, головушку-то повесили, рученьки опустили, как есть мертвая!

И нянька заголосила надо мной, как над покойником.

Мне стало жаль несчастную женщину. Это ж как она госпожу свою любит, если так убивается? И вот как я скажу ей, что госпожи больше

нет? И что куда она делась, я не знаю?

Ведомая внезапным сочувствием, я похлопала Геллу по пухлой морщинистой руке.

– Ну, хватит, – пробормотала, неловко отводя взгляд, – жива я,

ничего со мной не случилось. Что дальше-то было?

– Ох, что это я, – она шумно высморкалась в платок, который достала откуда-то из-под фартука, и тут же убрала его обратно. – Лаэрд приказал замкового целителя привести. Да только куда тому до столичного браться! Пришел, постоял над вами, руками поводил. Сказал, истощение какое-то. Я слова-то его мудреные все забыть боялась,

потому записала.

Гелла протянула мне скомканную бумажку.

Скептически хмыкнув, я развернула ее. Каракули какие-то. На арабскую вязь похожи. Ни черта не разобрать.

Строчки перед глазами вдруг поплыли, я моргнула и осознала, что вполне

могу это читать. Уж не знаю, каким таким образом. Но могу.

Гелла скрупулёзно записала слова целителя, не слишком понимая их смысл. Впрочем, я тоже не поняла. Тот диагностировал у меня физическое и ментальное истощение, прободение ауры и еще какую-то чертовщину.

– А что мой супруг?

– Дак, а что ему станется? – нянька развела руками. – Приказал своему ординарцу вас сюда перенести и охрану усилил.

Я вздохнула, комкая бумажку в кулаке. Кажется, мой план потерпел фиаско.

В голову закралась крамольная мысль: а может, это и к лучшему? Ну, на кой мне чужой ребенок? Ведь чужой же, как ни крути. Я его не знала, не любила, не ждала, не вынашивала. И в этом замке меня ничего не держит. Пусть этот лаэрд дерганный остается в своей норе, а я заберу причитающиеся Авроре деньги, буду жить новой жизнью, мир посмотрю...

И тут же на смену этой мысли пришло чувство гадливости. Я стала противна самой себе и поняла, что именно так рассуждала моя предшественница. Для нее этот брак был лишь ступенькой на иерархической лестнице. Ребенок – средством обогащения. И пусть родители продали ее даргу, но она сама с радостью продалась и продала свое дитя.

– Гелла, – позвала я тихо.

– Да, госпожа?

– Скажи, как зовут моего супруга?

– Ох, батюшки, вы и это забыли?! – она всплеснула руками.

– Не кричи, голова болит.

– Простите, госпожа, – зашептала, прикрывая ладонью рот. – Габриэль Даверон супруг ваш, хозяин Нарг-та-Рин, лаэрд Серебряного клана.

– А Нарг-та-Рин – это что?

– Эта крепость. Она стоит над Разломом.

– Разломом?

– Ущелье это. Прямо под нами! – она округлила глаза. – Говорят, оно идет прямо в Обитель Мрака! Оттуда приходят разные твари, такие ужасные, что любой, кто увидит их, тут же скончается!

– И мы тут живем? – я поежилась. Неподдельный страх этой женщины

передался и мне.

– Так супруг ваш и его клан защищают нас от чудовищ.

– Значит, и стражники тоже дарги, – подытожила я.

– Тут вообще одни дарги. Из людей только мы с вами, да ваши служанки. И то скоро уедем.

– Не уедем.

– Как это? – на ее лице отразилось недоумение. – А куда же мы денемся?

– Мы останемся здесь, Гелла.

Идея была внезапной, я даже удивилась, почему она раньше мне в голову не пришла?

Габриэль не на пустом месте возненавидел свою жену! Если верить словам няньки – а врать ей нет смысла – Аврора с ним почти год жила, пока забеременела. Мало ли, какие у них отношения были, но за это время они хорошо узнали друг друга. У Габриэля есть повод для

ненависти, я в этом уверена. И сама Аврора его подала!

Можно понять мужика, который уже трех жен схоронил. Любил ли он хоть одну из них? Если да, то мне будет тяжелее, чем я представляла. Сердце его очерствело, душа замкнулась, чтобы не чувствовать боли. Местный народ считает лаэрда проклятым и боится приближаться к замку. Только одно семейство нашлось, что позарилось на его деньги.

Что ж, семью Авроры я тоже понимаю. Не одобряю, но понимаю.

Габриэлю нужен наследник. Им — деньги и титул. Почти
равноценный
обмен.

И кто знает, может, проклятый лаэрд не хотел сближаться с женой, чтобы потом не страдать? Может, потому и гонит меня, настаивает, чтобы уехала. И ребенка не хочет показывать по той же причине...

Вспомнились истории, слышанные от родивших подруг. Про женщин, что бросали своих детей и сбежали из роддома. Такие «мамочки» отказывались смотреть на ребенка, чтобы душа потом не болела, сердце не мучилось.

Может, в глубине души Габриэль думает, что так лучше? Лучше для
меня?

Но я бы хотела сама это решить.

Глава 4

На ужин подали мясные кексы в сливочном соусе и несколько персиков.

Я тоскливо взглянула на них и отвернулась.

Есть очень хотелось, но пища меня смущала. В подсознании отложилось, как подругам в роддом мужья таскали кефирчики и галеты.

Гелла сжалась над моим голодным лицом. Притащила кувшин простокваши и целую связку бубликов. Я даже спрашивать не стала, где

она их взяла. Просто
вгрызлась всеми зубами.

— Вот зачем мучаете себя, госпожа? — неодобрительно вздыхала нянька, наблюдая за мной. — Ведь не даст же этот изверг ребеночка! Вон, у вас даже молока нет. Целитель постарался.

— Целитель? Зачем?!

Я посмотрела на грудь и с трудом сдержала ругательство.

Как сразу-то не заметила? А вот так. Мне и в голову не пришло удивиться, что со мной что-то не так. Некогда было, да и не задумывалась я над этим!

– Так вы же сами просили! – удивилась Гелла. – Чтобы грудь не
испортить.

– Что за бред? – пробормотала себе под нос, но нянька услышала.

– Так порядок такой у господ. Эрлы из благородных семей сами не кормят. Няньки для этого есть. Кормилицы.

Такого я конечно не ожидала. Но когда первый шок сошел, вспомнила, что читала об этом, в тех же романах, и успокоилась.

– Гелла, а как вернуть молоко? – у меня появилась новая мысль.

– Да зачем это вам?

– Надо. Ты знаешь, как?

– Так оберег снять – и всего делов-то.

Оберег? У меня был только один оберег, надетый целителем.

Я поймала себя на том, что машинально кручу камешек на запястье. Он опять разогрелся, начал пульсировать. И очень мешал. Так и хотелось его оторвать.

Крутила-крутила, а потом шнурок взял и порвался. Неожиданно так,
что я на секунду застыла в растерянности.

Камешек упал мне в ладонь и потух. Я машинально сжала пальцы, оглянулась воровато на Геллу, но та ничего не заметила. А я зачем-то сунула его под подушку. Молча. Натянула пышные рукава, чтобы пропажи не было видно, и постаралась придать лицу безмятежный вид.

Ночью проснулась от боли. Болели груди. Ныли соски, кожа натянулась, стала горячей и очень чувствительной, так что малейшее прикосновение вызывало дискомфорт.

Влажная ткань холодила кожу. Я оттянула ворот сорочки и уставилась на набухшую грудь.

Первый страх сменился пониманием. Молоко. Значит, и правда, все
дело в камешке.

Заснуть снова не получалось. Я долго ворочалась, прислушиваясь к тишине за стеной. Массировала груди, неумело пытаюсь сцедить молоко в забытую Геллой чашку. Но то ли неправильно что-то делала,

то

ли дело было в другом, только легче
не становилось.

Потом и вовсе стало казаться, что я слышу какой-то плач.
Плач младенца.

Он раздавался в моей голове. Я закрыла глаза и зарылась лицом в подушку. Но это не помогло. Он становился все громче, назойливее, и в ответ на него моя грудь заныла еще сильнее.

Не выдержав, я вскочила с постели.

Ну как вскочила — сползла, кряхтя и постанывая.

Теперь младенец кричал где-то за стенкой. Очень близко. Громко, надрывно, как кричат только от боли. Он заходился криком, резко замолкал, и в этот момент мое сердце сжималось так, что я не могла дышать.

В одной сорочке, левой рукой придерживая горячие и твердые груди,
а второй цепляясь за стены,
поползла к выходу.

Почему ребенок так истошно кричит? Это мой сын? Почему к нему никто не подходит?

Куда все подевались? Там же охрана должна стоять. Дарги эти, чтоб им всем провалиться!

Все это пролетело в голове за секунду. Мозг зацепился за одну фразу: это мой сын! И она осталась пульсировать аварийным

сигналом. Как мигалка на «скорой помощи».

За спиной, из глубины комнаты, взметнулся порыв ветра.

Странное дело, окна закрыты, я могла в этом поклясться. Но холодок, пронесшийся по ногам, был вполне ощутимым.

Он скользнул у меня между ног, холодя ступни и икры, а затем пробрался под рубашку и пополз по спине, заставляя все волосы подняться

дыбом.

Громко сглотнув, я оглянулась.

У кровати на столике слабо мерцал светильник. В его свете виднелись шторы, уложенные красивыми фалдами. Ткань не шевелилась,

а между тем я продолжала
ощущать слабый сквозняк.

Пока неожиданный звук не нарушил тишину.
Скрип, заставивший меня вздрогнуть.

Вслед за холодом пришел страх. Борясь с желанием зажмуриться и юркнуть в постель, я обернулась к дверям. И удивленно застыла.

Кто-то открыл их. Совсем немного, всего на ширину ладони. Этот жест невозможно понять превратно. Меня приглашали.

В щель заглядывал слабый свет. Он манил, очаровывал.

Завороженная, я шагнула к нему, почти не чувствуя боли, забыв про слабость и дискомфорт. Ноги сами несли меня.

Коридор. Люстры потушены, только на стенах слабо теплятся бра.
Охрана. Я насчитала пять мужских фигур. Дарги не двигались.

Двое застыли возле двери, еще двое у противоположной стены. Пятый стоял в стороне с удивленным лицом. Но никто не сказал ни слова, ни сделал попытки мне помешать!

– Эй! – хрипло выдохнула я. – Слышите, ребенок плачет?!
Мне
никто не ответил.

— Вы что, оглохли?

Заглянула в глаза тому, что стоял ближе всех. Его лицо походило на застывшую маску, взгляд остекленел.

— Эй?.. — повторила, чувствуя себя идиоткой. — Ты меня видишь?

Помахала рукой у него перед глазами, коснулась его щеки. Дарг не шевелился.

А плач немного отдалился. Теперь он раздавался со стороны
Габриэля. Я оглянулась на свою комнату, в которой ждала

безопасность и теплая кровать, на окаменевших даргов и, тряхнув головой, направилась на зов малыша.

* * *

Не помню, как добралась до заветной двери. Никто меня не окликнул, никто не остановил. Толкнула массивную дверь, и та легко

поддалась.

Едва я вошла, ребенок затих. Плач прекратился, а я очнулась от наваждения. Замерла на пороге, удивленно осматриваясь.

В центре просторной комнаты тихо покачивалась колыбель. Или мне только казалось, что она покачивается? В не зашторенное окно на нее смотрел полный месяц, и в его серебристом свете танцевали пылинки. Из колыбельки доносилось тихое кряхтенье. Рядом в кресле развалилась тучная женщина и, подперев подбородок рукой, храпела, как заправский мужик. Ее огромная грудь посрамила бы любую корову.

Профессиональная кормилица – щелкнуло в моей голове. Осторожно обойдя ее, заглянула в колыбель.

В тот момент меня вело любопытство. И банальная жалость к ребенку, который кричит. Я нагнулась, разглядывая его.

Совсем крошечный. Я таких маленьких прежде и не видела. Сморщенное круглое личико, носик-пуговка, темные глазки. Плотно закутан в пеленки с кружевом и вензелями. Бедняжку так спеленали, что даже шевельнуться не может.

Уже ни о чем не думая, взяла его на руки.

А легкий какой! Кажется, моя кошка – и то больше весит...

Кстати, о кошке. Мысль о прошлом кольнула – и тут же пропала.

Потому что малыш посмотрел на меня.

Наши глаза встретились.

Да, мне сотни раз говорили, что новорожденные ничего не видят и не осознают. Но в тот момент я поняла, что это не так. Я почувствовала его взгляд. Почувствовала, как трепыхнулось его сердечко, и мое собственное с восторгом забилося в ответ.

Малыш скривил ротик, демонстрируя беззубые десны, и сморщился. Захныкал, активно пытаюсь вылезти из пеленок. Я

испугалась, что уроню, и положила его в колыбельку.

Плач тут же усилился.

Не зная, что делать, обернулась к кормилице и потрясла за плечо.

Та в ответ басовито всхрапнула, но даже глаз не открыла!

– Да что происходит? – я сама готова была зареветь. – Что за шутки?

Я словно попала в сонное царство, где все превратились в статуи,
кроме

меня и...

Ребенок закричал еще громче. Недовольно, требовательно,
властно.

Не зная, как его успокоить, снова схватила. Прижала к груди, и он
потянулся

ротиком к влажному пятну на рубашке,
зачмокал.

— Так вот что ты хочешь! — окатило внезапное понимание. — Ты
голодный!

Больше не раздумывала. К тому же, стоило взять малыша, как
молоко

потекло сильнее.

Придерживая ребенка одной рукой, свободной я развязала ленту
на горле, спустила сорочку с плеча. Неумело зажала сосок, ткнула в
подставленный ротик. И ощутила такое блаженство, что едва не
расплакалась.

Нет, слезы все-таки потекли. Но это были светлые слезы, вместе с
ними из меня выходили все страхи и тревоги этого дня.

Еще вчера я любила и думала, что любима. Еще вчера собиралась
осчастливить своего мужчину известием о ребенке. А потом бежала
сквозь дождь, гонимая обидой и слезами, и думала лишь о том, что
меня предали. Думала о себе.

Я хотела избавиться от ребенка. Кричала, что он мне не нужен.
И кто-то меня услышал.

А теперь все изменилось.

Стою в чужом доме, в чужом теле, с чужим малышом на руках, и
плачу от счастья. Если есть в этом мире магия, то это она. Кем бы ни
был сотворивший это волшебство, я ему благодарна...

— Вот так, мой маленький, — заворковала над ребенком, как
заправская мать, — моя кровиночка...

На душе становилось светлее с каждой минутой. С каждым
глотком, который делал малыш.

Откуда-то из глубины памяти сами собой всплыли строки давно
забытой колыбельной. То ли мама в детстве мне пела, то ли бабушка...

А может, они сложились в моей голове прямо сейчас:
Ангелы

небесные, поклонившись Богу,

Принесут покой и сон к нашему порогу.

За окном темным-темно, месяц серебрится,
А
кровиночка с мамой спать ложится...

моя

Слова и мелодия лились из меня вместе со слезами, из самого сердца. Так я и стояла, качая малыша и тихонько напевая под нос. Пока не поняла, что на меня кто-то смотрит.

Чужой пристальный взгляд оборвал мою песню.

Я обернулась, все еще улыбаясь. И наткнулась на Габриэля.

Улыбка моментально потухла. На смену радости пришли
настороженность
и нервозность.

Мой супруг стоял в дверях, привалившись плечом к косяку, и смотрел на меня. Оценивающе и угрюмо.

Я растерялась. Инстинктивно прижала ребенка сильнее, точно хотела
укрыть собой.

Заметив мой жест, Габриэль перевел взгляд на малыша. Потом
вновь
посмотрел мне в лицо.

– Не знал, что вы поете, льера, – произнес, иронично растягивая слова.

– Какого гхарра вы здесь забыли?

Кто вас пустил?

Медленно оттолкнувшись от косяка, он направился ко мне
привычной
прихрамывающей походкой.

А я побледнела. Вся кровь от щек отлила.

Не зная, что делать, оглянулась в поисках отступления. Но за спиной была только стена.

Габриэль приближался, неспешно и неумолимо. Он был без трости и двигался с грациозностью танцора или змеи, несмотря на свою хромоту.

А я отступала, продолжая прижимать сына к груди. Пока муж не загнал
меня в угол.

Габриэль остановился в двух шагах. Достаточно близко, чтобы я чувствовала запах сандала, идущий от его волос.

Достаточно близко, чтобы я видела золотое марево его глаз и острые бритвы зрачков.

В этот раз на нем были серые бриджи и тонкая батистовая рубашка, не зашнурованная на груди. Сквозь небрежно распахнутый ворот виднелась сильная шея, ямка между ключиц и верхние мышцы груди.

Волосы, заплетенные в косу, слегка растрепались вокруг лица.

– Итак, льера, я хочу знать, что здесь происходит, – он в упор уставился

на меня.

Я же не могла выдавить ни слова. Просто стояла и молча пялилась на него. В голове вертелась глупая мысль: господи, какой он красивый...

– Молчите? – супруг выгнул бровь. – Нечего сказать?

Затем качнулся ко мне, раздувая ноздри и втягивая мой запах. Я увидела, как его зрачки расширились, заполняя всю радужку. Лицо изменилось. Секунда – и он отшатнулся от меня, как от чумной.

– Проклятье! – процедил, отступая.

А я вжалась спиной в стену, чувствуя себя маленькой и беззащитной. И в то же время готовая биться за свое место в этом мире и в этой комнате.

– Ох, батюшки! – раздался надрывный вздох.

С кресла на нас расширенными глазами смотрела кормилица.

Глава 5

Полчаса спустя я сидела в кабинете Габриэля, машинально баюкая малыша, и едва не клевала носом. Хронометр на каминной полке показывал два часа ночи, а мой супруг все не мог прийти в себя после

увиденного.

Уж не знаю, что больше его поразило. То ли вид меня кормящей, то ли сын на моих руках, то ли странное оцепенение, которое накрыло весь наш этаж. Уже после я узнала, что даже любимые гончие Габа, облюбовавшие изголовье его кровати – и те впали в транс.

Он же спокойно читал, сидя в кресле перед камином, пока из-за стенки

не раздалось мое пение.

Именно пение, а не крики ребенка, которые слышала я.

Я не знала, как объяснить случившееся. Поэтому на все вопросы флегматично

пожимала плечами:

— Это ваш замок, лаэрд. Почему мне знать, что тут творится? Ребенок плакал голодный. Я пришла его накормить. Это преступление?

— Он не мог быть голодным! — злился дарг, нервно барабанил пальцами по каминной доске. — У него есть кормилица!

— Это та, которая дрыхла без задних ног, когда я вошла? — не сдержав сарказма, ухмыльнулась.

Габриэль смутился. Отвел пылающий гневом взгляд:

— С этим я разберусь. Сейчас речь о вас, а не о ней. Вы... — он запнулся, подыскивая слова, — вы ведете себя очень странно последнее время. Аврора, что вы задумали?

Последнюю фразу дарг произнес другим тоном. Усталым, измученным.

А я поняла, что совсем ничего не знаю о нем. Какой он, мой неожиданный супруг? Чем живет? О чем волнуется, что его беспокоит? Почему не спал в эту ночь, а сидел в кабинете? О чем размышлял?

Он отвечает за целый клан, за земли, за людей. А еще этот Разлом, о котором рассказывала Гелла. Чудовища, с которыми нужно бороться...

Это его мир и его ответственность. Мне же все это чуждо.

Нет, Авроре было чуждым. А у меня есть шанс все изменить. Габриэль

смотрел на меня, ожидая ответа.

— Ничего, — пробормотала тихо и, нагнувшись, прижалась губами к лобик малыша.

— Ничего? Уверены?

— Да.

Хмыкнув, он подошел ко мне.

Я невольно напряглась, не зная, чего ожидать, Но Габ только стоял надо мной и смотрел на нас с сыном. Его взгляд скользил по моей

склоненной макушке, по шее, трогал завитки волос, прилипшие к коже, потом ниже – на ворот сорочки, сейчас надежно затянутый лентой,

на грудь.

От этого взгляда мне стало жарко.

Я проследила за ним и поняла, что краснею. Спереди ткань стала мокрой от молока и под ней бесстыдно проступили соски. Мечтая провалиться сквозь землю, я закрыла глаза. И почувствовала прикосновение.

Габриэль коснулся моей руки. Очень легко, двумя пальцами откинул пышное кружево, прикрывающее запястье. А я замерла, понимая,

что он сейчас скажет.

– Вы сняли оберег. Зачем?

Его пальцы погладили мою кожу там, где недавно висел шнурок, и

целый батальон мурашек радостно промаршировал
вслед за ними.

Я закусила губу. Что происходит? Почему я так откровенно реагирую

на него?

Приоткрыв один глаз, скосила взгляд вниз. Тонкие сильные пальцы Габриэля продолжали поглаживать мою кисть так, словно он о чем-то

задумался и забылся.

– Я... он сам оторвался...

Голос прозвучал неубедительно. Но он нарушил очарование момента.

Габриэль вздохнул и отступил. И вместо тепла, которое окутывало меня,

пока он стоял рядом, я почувствовала
холод.

Не сдержавшись, поежилась.

От Габриэля мой жест не укрылся. Никак не комментируя, он вернулся к камину. Взял кочергу, пошевелил затухающие угли, так что взметнулся сноп искр, потом запустил пальцы в волосы и взъерошил

их нервным жестом. И только потом, глядя не на меня, а на сына, глухо проговорил:

– Вы нарушили наш договор.

Я ждала, когда он об этом заговорит. И заранее приготовила фразу:

— Так давайте заключим новый.

— Новый? — в его глазах мелькнуло замешательство. Но это длилось

лишь долю мгновения.

— Почему бы и нет?

— И что вы хотите?

Теперь он смотрел с подозрением, точно ждал от меня подвоха.

А я не знала, как доказать, что не собираюсь разыгрывать никаких хитроумных комбинаций и не держу камня за пазухой.

Что бы я ни сказала, что бы ни сделала, Габриэль мне не поверит. Видимо, обжегся уже не раз. Только время покажет, хватит ли мне сил пробить скорлупу, в которую он себя заточил.

Но уже сейчас можно сделать один крошечный шаг на пути к этой цели.

Подняв голову, я заставила себя открыто смотреть ему в глаза.

— Позволь остаться здесь, рядом с сыном. Не отправляй меня в... — Черт, забыла название. Память тут же услужливо подкинула нужную

информацию: — В Эссеор.

Он поймал мой взгляд, прищурился, и я оказалась в плену его глаз. Невозможных, завораживающих и непроницаемых глаз, в которых плескалась бескрайняя золотая пустыня.

От этого взгляда у меня внутри что-то сжалось. Тело наполнилось вязким теплом, и оно разлилось по венам. А взгляд Габриэля неспешно заскользил

вниз, пока не замер на моих губах.

— Вы нарушили собственное правило, дорогая супруга, — выдохнул дарг.

— Какое? — прошептала в тон ему.

— Не входить на мою половину.

— Я забыла о нем.

— Похоже, вы о многом забыли.

— Значит, оно стало не важным.

– А что же важно для вас?

Сердце

подсказало ответ:

– Наш сын.

Габриэль усмехнулся:

– Прежде вы были другого мнения.

– Оно изменилось. Я изменилась.

Черт! Почему он упорно обращается ко мне на «вы»? Даже после того, как я сделала первый шаг? Почему с таким маниакальным упрямством

выстраивает барьер между нами?

Столько вопросов – и где взять ответы?

Габриэль качнулся, напоминая о своей хромоте. Странное дело: чем медленнее он двигался, тем сильнее она проявлялась. Но стоило ему “включить особый режим”, как походка совершенно менялась. Движения становились плавными, наполненными хищной мощью и грацией. В такие минуты он не шел, а скользил, как бесшумная тень.

А сейчас он словно подчеркивал свой недостаток. Зачем? Указать мне

на него?

– Вы ужасная женщина, Аврора, – произнес он абсолютно бесцветно. – Жестокая. Вам мало моих мучений, хотите, чтобы наш сын тоже мучился? Зачем вам все это?

Я растерялась. Между ним и настоящей Авророй явно что-то произошло. Что-то, что разверзло пропасть между супругами и взрастило стену отчуждения.

А теперь мне нужно просить прощения неизвестно за что, каяться за

чужие грехи? Ради чего?!

Малыш заворочался, привлекая к себе внимание. Я инстинктивно прижала его к себе, вдохнула запах детской кожи и молока, и ответ пришел сам собой.

Ради этого. Не смогу отказаться от счастья держать его на руках.

Уже не смогу.

Габриэль прав, я жестока. И буду идти до конца.

– Пусть я виновата, но ты будь великодушен, – проговорила, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. – Ребенку нужна мать, а не

кормилица.

нам шанс.

И я... я не хочу уезжать. Дай

Он смотрел на меня так, словно не видел. Смотрел сквозь меня и не спешил отвечать.

Пауза затянулась, я начала нервничать, не зная, о чем он думает и что чувствует. Незнание была мучительной.

Наконец, когда я уже отчаялась услышать хоть что-то, Габриэль заговорил.

— Пять дней. У вас есть пять дней, льера. Это все, что я могу дать.

* * *

Этой ночью я почти не спала. Думала. И меня терзали сомнения.

Может, стоит рассказать Габу правду? Что я не Аврора и не виновата

в ее грехах?

А если узнав, что я другой человек, он вообще не подпустит меня к сыну? Что, если он сделал поблажку только потому, что видит во мне свою жену и мать сына? И, может, где-то глубоко в его душе все еще теплится

огонек любви к той женщине?

Последняя мысль ранила сильнее всего. Стоило признаться самой себе, что Габриэль мне понравился, что меня к нему тянет, как тут же проснулась

и ревность. Неуместная и мучительная.

Это так сложно, найти правильный путь, когда сердце твердит одно,

разум другое, а обстоятельства заставляют делать третье.

В конце концов, я решила отложить эти мысли подальше. На будущее. У меня слишком мало информации, чтобы что-то решать.

Главное, он дал мне эти пять дней. Разрешил перенести кроватку ребенка в мою спальню. Согласился, что кормилица на этот период не нужна. Это стоило мне кучи нервных клеток, но я выиграла первый бой.

Теперь малыш сопел у меня под боком. Ширина кровати вполне позволяла, да и мне хотелось, чтобы он был рядом со мной, а не в люльке.

Я улыбнулась, вспомнив, как спросила Габа:

– Как зовут нашего сына?

И выражение растерянности на его лице.

Он умел держать маску. Но иногда она слетала с него, и тогда проступали истинные чувства. Яркая мимика делала его похожим на мальчишку, а в холодных глазах загорался живой огонь. И тогда я ловила себя на том, что откровенно люблюсь им.

– Тэй.

– Тэй? – я опешила. – И все?

У него самого имечко-то побольше!

– Это детское имя. У даргов так принято.

Я сделала вид, что знаю, о чем идет речь. А сама поставила мысленную галочку: узнать, что за детские имена. И про даргов узнать. И вообще, найти источник информации понадежнее, чем рассказы Геллы.

А еще этот стазис. Именно так назвал Габриэль то, что случилось. Из его сухих пояснений я вынесла только одно: кто-то или что-то накрыло нашу часть замка каким-то особым полем, в котором живые существа теряют ощущение времени. Он был удивлен, что поле подействовало выборочно. Но по его глазам я поняла: у него есть подозрения на этот счет.

Расспрашивать не стала. Побоялась выдать свою неосведомленность, ведь он говорил так, будто мне все должно быть известно.

И Гелле запретила распространяться о том, что я якобы что-то забыла. Не нужно, чтобы по замку слухи пошли. Обживусь, осмотрюсь, тогда и буду решать, рассказать о своем «попаданстве» или нет.

Я скрутилась калачиком под одеялом, припоминая, как Габриэль смотрел на меня. И снова, как и тогда, у меня внутри все сладко сжалось.

Неужели я влюбляюсь в него? Вот так сразу?

А как же...

Я поняла, что не могу вспомнить имени парня, который еще день назад был для меня всем. Парня, с которым прожила бок о бок почти полгода,

деля стол и кров.

Удивленная, напрягла память. И ничего. Размытые образы вместо

картин прошлого. Там не осталось ни его лица, ни голоса. Только чувство глубокого разочарования.

Но родителей-то я помню! Детский сад, школьные годы, кучу песка у бабушки во дворе, где я возилась летними днями. Своих подруг

по играм, походы в лес, купание в реке...

А дальше что-то не совсем внятное. Словно на кадры с моими фото наложили чужие, и они смешались. Закружились в карусели вокруг

меня, и я поняла, что проваливаюсь в сон.

Проснулась от громкого шепота. Рядом с кроватью ощущалась возня.

— Тише, разбудите льеру!

— Да ладно, Лин, что она сделает?

— Отцу нажалуется! И мне за вас попадет.

— Так и тебе попадет. — Тихий смешок. — Ты ведь тоже сюда пришла.

— Я за вас беспокоюсь!

— Ой, не ври. Тебе самой интересно на братика посмотреть, только

ты ни за что не признаешься!

Не открывая глаз, поняла, что утро в самом разгаре. Мою щеку щекотал нахальный солнечный луч. Рядом шепотом переругивались две девчонки.

— Можно я его потрогаю? — вклинился третий голос, совсем детский.

Я не стала ждать, что ему ответят. Открыла глаза и увидела три детские

мордашки, застывшие в священном ужасе.

Секундная немая сцена. Мы пялимся друг на друга, ошеломленно хлопая ресницами. А через миг мои незваные гости с жалким писком бросаются

в рассыпную.

Как мыши.

Сдерживая смех, я приподнялась на локте.

Так и есть: две малышки восьми и десяти лет шмыгнули за кресло, теперь оттуда торчат только темноволосые макушки. Еще одна девчушка, на вид лет пятнадцать-четырнадцать, долговязая и нескладная, застыла памятником у двери. Поняла, что прятаться глупо, да и бежать, когда тебя увидели, особого смысла нет.

Мне даже гадать не пришлось, кто пожаловал. У всех троих ярко прослеживались черты Габриэля и его мимики. Маленькие еще, чтобы маску держать. Все мысли и чувства на поверхности.

Я бросила взгляд на Тэя. Малыш преспокойно спал и хмурил во сне светлые бровки-ниточки. Папина копия. Даже складка между бровей такая же.

Старшая девочка, видимо Лин, попятилась задом к двери, привлекая мое внимание. Двигалась она так, будто что-то прятала за спиной.

– Привет, – улыбнулась я как можно радушнее. – Хотите на братика посмотреть?

Она не успела отреагировать. Из-за ее спины высунулось четырехлетнее чудо: кучерявое и щекастое. И уставилось на меня золотыми глазами.

— Да! — малышка распахнула глазищи так, что они заняли пол-лица.

Она напомнила мне немецких фарфоровых кукол.

— Тише, Би! — шикнула старшая. Потом натянуто улыбнулась мне и сделала книксен. — Простите, льера, что разбудили. Мы сейчас же

уйдем.

Из-за кресла послышался шорох. Я сделала вид, что ничего не заметила. Нужно наладить контакт с дочками Габриэля. И сделать это надо прямо сейчас. Второго шанса не будет.

— Иди сюда, — я поманила малышку и посмотрела на старшую девочку,

— и ты тоже.

Похлопала по кровати рядом с собой.

Би, не задумываясь, вырвалась из хватки сестры и бросилась ко мне. Взобралась на кровать. Ее глаза горели от любопытства, но она не посмела коснуться Тэя. Замерла, жадно пожирая его глазами.

Старшая подошла степенно, ее худенькое личико порозовело, но взгляд оставался настороженным.

– А с ним можно играть? – нетерпеливо спросила малышка.

– Можно, но сейчас он спит.

– А какие игры он знает?

– Пока никаких. Он ведь только родился. Но ты сможешь его потом

научить, если захочешь.

– Врет она! Он даже ходить не умеет! – высунулась из-за кресла мордашка

с косичками и тут же скрылась обратно.

Похоже, у деток характер не сахар, как и у папы.

– Ты тоже не умела, но тебя научили, – ответила я, сохраняя спокойствие. – И он научится, когда подрастет.

– А можно я его буду учить? – малышка Би уставилась на меня. – Я умею ходить! И бегать! И у меня есть свой пони. Я разрешу братику потрогать его.

Ее серповидные зрачки расширились от прилива эмоций.

Значит, дочки Габриэля тоже дарги. Или даргини? У Тэя зрачки пока

круглые, но кто знает, может, они постепенно изменятся.

Я бросила взгляд на хронометр, затем на старшую девочку, неловко

застывшую возле кровати.

– Знаете что, – сказала задумчиво, – что-то я проголодалась.

Как насчет чая с медом и плюшками? Кто хочет со мной?

В ожидании ответа мое сердце пропустило удар. У меня нет ни младших братьев, ни младших сестер. Меня не учили, как обращаться с детьми. Особенно с теми, что потеряли мать.

Я не знаю, как с ними обращалась Аврора, но взаимной любовью тут мало пахнет.

Но у меня есть пять дней. Целых пять дней, чтобы совершить невозможное.

Стать единственной и незаменимой для своего сына и этих детей.

А еще для мужчины, при виде которого мое сердце бьется быстрее.
Я

должна это сделать до того, как из Эссеора придут за мной.

Глава 6

Завтрак подали в спальню.

После вчерашних волнений и почти бессонной ночи я чувствовала себя очень слабой, но мое сознание обуяла жажда деятельности. Не желая терять драгоценное время, отправила Геллу за целителем. А сама обратила все внимание на девочек.

Гелла называла вчера их имена и немного рассказала о каждой, так что сейчас я была избавлена от угрозы попасть в неловкую ситуацию.

Дочери Габриэля походили друг на друга чертами лица, а вот масти
и характеры у них отличались.

Старшей, Лин, недавно исполнилось пятнадцать.

Серьезная, стеснительная девочка, не знающая, куда деть неожиданно вытянувшиеся руки и ноги. Волосы каштановые, с красноватым отливом, на скулах веснушки, глаза цвета гречишного меда.

Лин постоянно краснела и смотрела на мир так, словно каждую минуту ожидала предательства. Недоверчивый, замкнутый, неуверенный
в себе подросток.

Под ее взглядом мне стало неудобно, но не потому, что она мне не нравилась. А потому, что с удивлением и тревогой я узнала в ней себя.

Вторая по старшинству — Иви. Десять лет.

Егоза с острым носом и двумя жиденькими косичками, придающим ей сходство с Пеппи Длинныйчулок. Резкая, угловатая, с дерзким взглядом и языком. Комок сплошных противоречий, затевающий спор из-за любой ерунды.

Она смотрела на меня исподлобья, как дикий зверек, и сопела, готовая
в любой момент броситься в бой.

Третья — Мэй. Восемь лет. С таким же остреньким носом. Сразу видно, мать у этих двоих одна. От нее им достались темные волосы, темные и блестящие как маслины глаза и смуглая кожа.

Самой младшей, Би — почти четыре.

Живая, непоседливая и непосредственная девчушка, с

пепельными кудряшками и золотыми глазами. Единственная, кто

захлопал в ладоши и радостно запищал, когда я предложила разделить со

мной завтрак.

Ей не пришлось предлагать дважды. Горничная принесла фарфоровый чайник и тарелочки с фруктами и медовыми плюшками.

Би тут же схватила самую большую плюшку и засунула в рот.

Ее сестры чинно присели за чайный столик. Спины прямые, как палки, локти прижаты к бокам. Взгляды напряженные, настороженные. Ощущение, что они здесь только потому, что восприняли мое предложение как приказ и боятся ослушаться.

Только Мэй тихонько вздыхает, поглядывая на плюшки. Ждет, пока я разрешу?

Я мысленно пнула себя. Если продолжу глазеть на них, никакого контакта

не получится.

– Угощайтесь, – кивнула, стараясь не показать, что нервничаю не меньше, чем они. – Лин, будь добра, налей сестрам чаю. И если не трудно, подай чашечку мне.

Старшая вздрогнула, оторвала взгляд от тарелки с персиками и перевела на меня. В ее глазах плескалась растерянность.

Я поспешно добавила:

– Если не хочешь – не нужно. Я сама встану.

– Простите, льера, – прошептала девочка, пристыженно розовея.

– Я немного задумалась.

Двигаясь скованно и неловко, она поднялась, разлила по фарфоровым чашкам золотистую ароматную жидкость. Взяла одну из них вместе с блюдцем и подошла ко мне. Личико у нее при этом было крайне сосредоточенным, даже губу закусил.

– Спасибо, – я улыбнулась, беря чашку из ее рук.

Случайно коснулась пальцев, и Лин дернулась. Горячий напиток выплеснулся на покрывало, прикрывающее мои ноги. На светло-зеленом атласе образовалось пятно.

В глазах девочки всколыхнулся испуг.

– Простите... простите меня, – зашептала она, отступая. – Я нечаянно...

Да что такое с этим ребенком? Почему она так боится меня? То есть

Аврору?

В голову закралась страшная мысль: что, если моя предшественница издевалась над ней? Старшая дочь нелюбимого

супруга, рано потерявшая мать, пережившая двух мачех, которые тоже неизвестно как относились к ней. Да и отец, судя по тому, что я узнала, вниманием

дочек не балует.

Остальные трое притихли, глядя на меня затравленно, будто мышки перед котом. Даже малышка Би, и та жевать перестала, застыла с таким видом, будто вот-вот расплачется.

— Ничего, — я выдавила улыбку. — Все в порядке. Покрывало толстое,

ты меня не обожгла, а пятно отстирается.

И, показывая, что не сержусь, поднесла чашку к губам.

На самом деле, это был не тот чай, к которому я привыкла, а отвар каких-то трав. Мне удалось различить только ромашку и липу.

В полной тишине я успела сделать несколько маленьких глотков, когда

раздался удивленный и несколько разочарованный голосок Мэй:

— Вы не будете наказывать Лин?

— А должна? — я перевела взгляд на нее.

— Ну... — девочка задумалась. — Да. Вы же всегда кричите, когда

мы делаем что-то не так. И требуете, чтобы нас наказали.

А вот это уже интересно.

Я кивнула Лин, а сама обратилась к ее сестре:

— И как же я должна наказать твою сестру за пролитый чай?

Поставить в угол? Или запереть в чулане?

— Нет, — Мэй говорила абсолютно серьезно, — в прошлый раз вы сказали, что она уже взрослая для чулана. Это нас с Би можно закрыть.

— Вот как... А в чем она провинилась?

Лин помрачнела еще больше и уткнулась глазами в чашку, а Мэй с готовностью заявила:

– Не дала убить Звездочку. Вы с папой страшно ругались, мы спрятались
в башне, но слышали крики.

Час от часу не легче. Теперь еще какая-то Звездочка на мою голову. И расспрашивать детей – это верный способ выдать себя и привлечь ненужное внимание. Нет, тут нужно действовать обходным маневром.

– Знаешь, я рада, что Звездочка осталась жива и здорова, – я ласково посмотрела на Лин.

– Спасибо, – еле слышно ответила девочка.

– Но летать она все равно никогда не будет! – встряла Иви. – У нее крылья сломаны!

И в ее тоне прозвучала мстительная прямолинейность.

Я решила, что Звездочка – это какая-то птица. Дети часто тащат в дом бездомных животных. Тех же ворон с подбитым крылом. Сама грешила таким в младших классах, и каждый раз мать с брезгливой миной на лице выбрасывала за дверь моих неприглядных питомцев. Я плакала,

а она отчитывала меня:

– Будешь жить отдельно – заводи себе хоть крокодила. А в моем доме
этих блохастых тварей не будет!

Я долго тешила себя надеждой, что однажды у меня будет огромный дом, в котором найдется место всем «блохастым тварям». А повзрослев и уехав в Москву, окунувшись в столичную жизнь и забыла о детской мечте.

Теперь, похоже, она собиралась меня догнать.

Между тем глаза Лин предательски заблестели. Только слез мне
здесь
не хватало!

– Это не страшно, – проговорила поспешно, обращаясь больше к ней, чем к Иви. – Кости срастутся, крылья тоже срастутся. Может, не
сразу, но я уверена, Звездочка снова будет летать.

– Не будет, – Иви даже не глянула на меня. Она не сводила с сестры назойливых глаз. – Она калека, как папа...

Раздался звон чашек.

Лин выскочила из-за стола. Ее губы скривились от нахлынувших слез,
и девочка бросилась вон из комнаты.

На пороге она едва не смела статную женщину в лиловом платье с белым воротничком. Метнулась в сторону, прикрывая лицо ладонями, и скрылась из глаз.

Над столом повисла тяжелая тишина.

Пара чашек перевернулась, и чай разлился по кружевной скатерти. Мэй застыла, сконфуженно втянув голову в плечи. Иви сжала губы в полоску, насупилась, только глаза продолжали вызывающе сверкать. А малышка Би начала медленно сползать со стула и, кажется, собиралась

юркнуть под стол.

— Вот вы где, бесстыдницы! — женщина всплеснула руками. —

А

ну, марш в классную комнату!

«Эрла Леврон», — щелкнуло у меня в голове. Гувернантка и классная дама девочек.

Ее скромное лиловое платье без всяких излишеств было застегнуто до самого верха, русые волосы собраны в строгий пучок. Единственное украшение — нитка янтаря на груди, да черепаховый гребень.

Увидев меня, она поклонилась:

— Простите, светлейшая лъера. Эти юные эри больше не доставят вам

хлопот. Я лично их накажу.

Девочки сжались, и я почувствовала исходящий от них страх так, словно сама боялась эту строгую даму с лошадиным лицом.

— Дети не виноваты, это я их пригласила. В наказании нет никакой

необходимости.

Мне показалось, или они удивленно вздохнули?

— Вы очень добры, лъера, — ответила дама, не меняя выражения на лице. — Но юных эри нужно воспитывать в строгости. Они сбежали тайком и заслужили хорошую порку.

От такого заявления мои глаза полезли на лоб. Последний раз

мать отлупила меня ремнем в седьмом классе за какую-то мелочь. И это было так больно и унижительно, что я запомнила на всю жизнь. И поклялась себе, что если у меня будут дети, я никогда не стану их бить.

– Его Светлость знает о ваших методах воспитания?
Она

еще раз поклонилась:

– Его Светлость доверил мне вырастить добропорядочных льер
из
его дочерей. Методы воспитания мы с ним
не обговаривали.

– А зря, – подытожила я. – Придется обговорить.
И улыбнулась девочкам:

– Ничего не бойтесь. С этого дня наказывать вас не будут.

– Извините, светлейшая льера, но пока что я отвечаю за этих эри
перед лаэрдом, – заявила эрла менторским тоном. – Телесные
наказания – обычная практика, они гарантируют немедленное
послушание.

И мне решать, наказывать
своих воспитанниц или нет.

От гувернантки веяло холодным высокомерием. Будто это она
здесь хозяйка, а я, то есть супруга лаэрда – так, девочка
на
побегушках.

Мне стоило больших усилий удержать на лице любезную улыбку.
Хотя с куда большим удовольствием я бы вцепилась этой даме в

прическу. Жаль, что нельзя. Вряд ли дети меня поймут. Вон, как глаза
округлили, видимо, ждут скандала.

Я не рискнула встать, но спину выпрямила. Плечи расправила,
подбородок вскинула и, копируя тон своей матери – очень сильной и
властной женщины – произнесла:

– Вы ошибаетесь. Пора моему супругу узнать, как воспитывают
его
дочерей.

* * *

– Аврора, я пошел на уступки и позволил вам остаться с сыном.
Но это не значит, что вы должны бегать по замку и совать свой нос в
каждую дырку. Ваше дело заниматься ребенком. А воспитание девочек
оставьте

эрле Леврон.

Я закатила глаза.

Грымза в лиловом платье успела нажаловаться раньше, чем это сделала я. А Габриэль даже не стал разбираться, в чем дело. Просто указал, что я влезла не в свою парафию. Причем таким тоном, что я почувствовала себя маленькой девочкой, которую отчитывают за непослушание.

– Тебе известно, что она их наказывает?

– Всех детей наказывают, ради их же блага.

– Это она тебя убедила? Эрла Леврон?

Мне послышалось, дарг издал
тихий рык.

Когда несколько минут назад я вошла к нему в кабинет, он с угрюмым видом разбирал какие-то бумаги. Но увидев меня, отложил, сцепил пальцы домиком и поднял на меня непроницаемый взгляд.

Я же, держа на руках сытого и довольного Тэя, заговорила о девочках. И о том, что случилось за чаем.

– Эрла Леврон гувернантка высшего уровня, – повторил Габриэль. – За ее плечами Императорская академия благородных девиц.

– Но это не делает ее доброй, чуткой и великодушной. А это именно то, что нужно детям, оставшимся без матери. И без отца, – закончила,

выразительно глядя на него.

Габриэль сдвинул брови.

– Что вы хотите этим сказать?

– Ты знаешь.

Наша пикировка напоминала разговор двух глухих. Я к нему упорно обращалась на «ты», а он продолжал подчеркивать отчуждение между

нами.

– Я не могу читать ваши мысли, дорогая супруга. Объяснитесь. И вот так каждый раз.

«Дорогая супруга» из его уст звучит как оскорбление. Но тут я даже не могу на него обижаться. Аврора и впрямь обошлась слишком дорого. После визита целителя, которым оказался моложавый и привлекательный дарг с прозрачными голубыми глазами, я порылась в вещах предшественницы и нашла ее экземпляр договора. Он лежал в шкатулке для бумаг, в ящичке туалетного столика.

Аврора не мелочилась, впрочем, как и ее родные. Габриэль

облагодетельствовал их всех. Кому титул и земли, кому золото и бриллианты, а кому место в лучшем образовательном центре столицы и престижную должность.

А все потому, что семейство Гарелье из Эссеора оказалось единственным, кто рискнул породниться с проклятым лаэрдом.

— Сколько времени ты проводишь с дочками? — спросила я в лоб.

Брови Габриэля удивленно приподнялись, взгляд изменился.

Теперь он смотрел на меня так, словно видел диковинку.

— Это имеет значение?

— Для них — да. Они потеряли родных матерей, а ты сознательно оставил

их и без отца.

Раздался хруст. Перо, которое дарг крутил в пальцах, переломилось надвое, точно щепка.

Еще секунда — и мой супруг смазанной тенью метнулся ко мне. Я только ахнула, увидев его посеревшее лицо рядом с собой.

В глазах Габриэля полыхала густая тьма. Он вскинул руку так резко, что я отшатнулась.

Я испугалась, что он ударит меня. Сжалась, прикрывая Тэя плечом. Дрожь беззащитности прокатилась по телу. Но он лишь коснулся моей щеки.

Его пальцы дрожали. Едва заметно, но я почувствовала. Мазнул по скуле кончиками пальцев в тоскливой ласке и отступил. Будто

прикоснулся к чему-то хрупкому и зыбкому, способному исчезнуть в любой момент.

Его взгляд наполнился болью.

Всего на миг я увидела истинного Габриэля. Не маску, которую он носил, а настоящего Габриэля Дэверона, лаэрда Нарг-та-Рин.

— Эти женщины были моими супругами, — процедил он с внезапной злостью. — Так что я тоже кое-кого потерял. Или, думаешь, у меня нет сердца?

Это был именно тот момент, когда стоило остановиться. Стоило.

Но меня уже понесло.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://litnet.com/ru/book/kozyain-drakonei-gryady-b157157>